

A photograph of a snowy winter landscape. In the foreground, a large evergreen tree is heavily laden with snow. In the background, a wooden cabin with a snow-covered roof is visible among other trees. The sky is overcast and grey.

**Медвежий праздник
на Северном Урале**

Департамент образования и молодёжной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок

С. А. ПОПОВА

Медвежий праздник на Северном Урале

Ханты-Мансийск
2011

УДК 398.4
ББК 63.5 (2)
П 12

П 12 **Попова Светлана Алексеевна. Медвежий праздник на Северном Урале /**
составители: С. А. Попова, Е. В. Фризоргер; фото: А. В. Вьюткин, Л. Ф. Сташке-
вич, Н. К. Тасманова, А. П. Тургачев. – Ханты-Мансийск : ОАО «Издательский
дом «Новости Югры», 2011. – 76 с.

В сборник вошли материалы по Медвежьему празднику северных манси в поселе-
нии Тасмановых на р. Лэпл-я, муниципального образования сп. Хулимсунт, Берёзовского
района, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Обско-угорский институт прикладных
исследований и развития
Ханты-Мансийского автономного
округа – Югры
12.306-
Научно-библиографический отдел

*Издание выпущено при финансовой поддержке
фонда депутата Думы Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры Гоголевой Т. С.*

ISBN 978-5-4422-0007-2

© Попова С. А., текст, 2011
© Попова С. А., Фризоргер Е. В., составление, 2011
© Вьюткин А. В., Сташкевич Л. Ф., Тургачев А. П., Тасманова Н. К., фото, 2011
© ОАО «Издательский дом «Новости Югры», оформление, 2011

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МАНСИ

Манси (вогулы) – один из малочисленных народов Севера (по данным Всероссийской переписи 2002 года, его численность составила – 11 432 человека). Этноним «манси» в качестве официального названия этноса закрепился уже в советское время, до революции 1917 года манси назывались вогулами. Термин «вогулы» до сих пор сохраняется в зарубежной и научной литературе.

В наши дни основной территорией расселения манси остаётся Ханты-Мансийский автономный округ – Югра: Берёзовский, Октябрьский и Кондинский районы (нижнее течение Оби и рр. Северная Сосьва, Ляпин). Небольшое количество манси проживает на Среднем и Северном Урале (р. Лозьва, верховья р. Пелым) и Свердловской области (Ивдельский район).

Манси и их близкородственный народ ханты имеют общее название – обские угры, а их языки – обско-угорские. В свою очередь, мансийский, хантыйский и венгерский языки составляют угорскую ветвь финно-угорской группы уральской языковой семьи. На основе языковых различий в мансийском языке лингвисты выделяют четыре наречия (группы): северное – по нижнему течению Оби и по рр. Сосьва, Ляпин, верховья Лозьвы; западное – по среднему и нижнему течению Лозьвы, рр. Пелыму, Вагильску; восточное – по реке Конде; южное – по реке Тавде. В настоящее время сохранилось лишь северное наречие.

Следует отметить, что диалектные группы различаются не только по языку, но и по другим элементам культуры. Несмотря на расхождения в позициях ученых, объединяющим моментом является признание двухкомпонентного характера культуры манси, вобравшей в себя элементы местных сибирских аборигенов и пришлых с юга угров. В данном случае речь идет о

соединении двух почти одинаковых по объему и значению хозяйственно-культурных типов – с одной стороны, скотоводов-кочевников степи и лесостепи и, с другой стороны, охотников и рыболовов тайги.

Территория первоначального формирования культуры предков современных обских и зарубежных (венгры) угров учёными утверждается неоднозначно, одни связывают её с неолитом Западной Сибири, Прикаспием и Приаральем, другие (преимущественно лингвисты) с Европейской частью России (междуречье Волги, Оки, Камы).

В прошлом (до XIV в.) манси жили много западнее, вплоть до Печоры, об этом говорит мансийская топонимика, а до XVIII в. и южнее. Еще в XVII-XVIII вв. мансийские селения были на рр. Конда, Тавда, Тура, Пелым, на Урале и в Приуралье (рр. Чусовая, Вишера, Ляля, Косва); на оз. Аят, р. Мулгай. Постепенное продвижение русских, теснивших коми-зырян, продвигало к востоку и манси, которые в свою очередь вытесняли местное население на восток, а сами переселились за Урал в Сибирь окончательно уже в конце XIX – начале XX вв.

Территория расселения манси в XVI-XX вв. уже фиксируется письменными источниками. Западные манси в XVI-XVIII вв. проживали по рр. Пелыму, Лозьве, Сосьве, Колве, Вишере и, вероятно, Печоре и Вычегде. Но уже источники этого времени фиксируют значительные перемещения населения, вызванные движением русских и коми-зырян, а также бегством населения от обложения ясаком и христианизации.

Южная группа манси занимала бассейны рек Тавды, Туры, среднюю Каму, Чусовую и верховья реки Уфы. Источники фиксируют невероятно сложные этнические процессы этой части манси, которая в результате тюркизации, русификации уже к XIX в. потеряла свою этническую специфику.

К восточным манси относится население р. Конды и ее притоков; однако, оно переселилось сюда из более западных районов, так же занятых манси.

Северная группа манси занимает бассейн Северной Сосьвы с притоком Ляпин, верховья Лозьвы и Пельыма, часть северных манси оказалась на территории правобережья Оби. Северные манси считаются поздним этническим образованием, относящимся к XVII-XVIII вв.

Особенности культуры каждой из групп манси определяются не только физико-географическими условиями, но и разными традициями как следствием генезиса и путей эволюции культуры.

Территория, где проживают в последние столетия манси, – это зона тайги со множеством водоемов в виде рек, озер. Основу жизнедеятельности хозяйства составляло, а порой составляет и в настоящее время охота, рыболовство, собирательство, дополняется иногда оленеводством. Почти везде теперь хозяйство носит комплексный характер, и только в обрядах, фольклоре упоминаются те времена, когда хозяйство было ориентированным на какой-либо один вид деятельности. Не являются здесь ведущими скотоводство и коневодство, которые до самого последнего времени считались заимствованными (в южных районах от русских и татар, в северных от коми-зырян). Благодаря археологическим раскопкам теперь очевидна древность этих производящих форм хозяйственной деятельности. Если они находят отражение в религиозно-культурных обрядах, то данное обстоятельство есть свидетельство скорее о консервативности обряда, но никак не о той поспешности, с которой новый вид деятельности входит в обряд.

Традиционное хозяйство, материальная культура и верование манси сохранили свои черты вплоть до настоящего времени.

Одна из особенностей в промысловых видах деятельности – максимальное использование природных материалов (дерева, корней, прутьев, сучьев, песка, камня, травы, веток и т. п.), а также изготовление ловушек непосредственно на месте промысла. К особенностям, кроме того, может быть отнесено наличие очень большого количества видов запорного рыболовства, а также видов звероловных ловушек ущемляющего, давящего, поражающего, удушающего и

др. действий. Многие виды рыболовных и звероловных ловушек, судя по археологическим данным, очень древние. Пассивный вид охоты (настораживание ловушек) до распространения огнестрельного оружия был преобладающим. С конца XIX в. начинают преобладать так называемые активные способы охоты, когда вооруженные охотники преследуют зверя. Пушная охота (белка, соболь, куница) издавна имела товарное значение, хотя в основном до начала XX в. хозяйство манси оставалось натуральным: все необходимое (жилище, средства передвижения, утварь, ловушки, обувь, одежда и т. п.) изготовлялось в каждой семье.

Главной же особенностью хозяйства было щадящее отношение к природе, которое позволяло сбалансировать два взаимоисключающих процесса: воспроизводство культуры и воспроизводство природы. Предельная утилизация природного материала позволяла свести к минимуму ущерб, наносимый охотничье-рыболовческими хозяйствами природе.

Характерными особенностями быта манси, как и других сибирских охотничьих народов, являлось то, что отношения в коллективе и между коллективами, как и между отдельными людьми, строились на полном взаимном доверии. Все традиционные жилища, хозяйственные постройки, звероловные и рыболовные ловушки на прибрежной части или в воде не охранялись, были доступны для каждого. Никто не посягал на чужую собственность, а у человека отсутствовало чувство социальной опасности.

Большая часть манси вела полуседлый образ жизни. У охотников и рыболовов почти для каждого времени года имелся какой-либо особый тип жилища, соответствующий сезону и виду деятельности. Места поселений менялись каждые 10-16 лет в зависимости от наличия леса-сухостоя, который использовали на дрова (живое дерево манси валили только в особых случаях и обязательно с извинительным обрядом). Разнообразными были и хозяйственные постройки: навес, лабаз, сумьях, приспособления для копчения рыбы, мяса; строились своеобразные укрытия для собак и оленей.

Утварь и все необходимое в хозяйстве изготавливалось каждой семьей, с соблюдением половозрастного принципа разделения труда: обработка дерева, кости, металла – дело мужское, обработка бересты, кожи, изготовление сухожильных нитей, раскрой ткани – женское.

Основной пищей манси еще в недавнем прошлом были рыба и мясо (сырое или вареное, но не жареное; самое распространенное – это мясо и рыба в мороженом виде). Боровую и водоплавающую птицу, кроме того, коптили. Из дикорастущих собирали и хранили в берестяной посуде бруснику, клюкву, морошку, кедровый орех. Некоторые виды блюд из муки или крупы имеют древние традиции. Отдельные виды блюд сакрализированы.

Женская верхняя одежда была повсеместно распашной. Мужская глухая меховая одежда, не имеющая разреза спереди (у северных манси) была нескольких видов, как мехом внутрь – малица, так и наружу – парка. Более лёгкой была верхняя одежда из сукна. Обувь была тоже нескольких видов – меховая и кожаная.

Сакральное назначение имели некоторые виды и детали украшений одежды (пояса, шейные, нагрудные, накосные украшения). Украшались также и многие бытовые вещи (детская колыбель, колчан, рукоять весла, ложка). Наличие украшения указывало на сакральный, символический, а не только утилитарный характер вещи.

Дискуссионной была и остается проблема социальной организации манси и обских угров вообще. Имеются, как известно, точки зрения о наличии рода, родового строя, некоторые исследователи это отрицают, считают более правомерным говорить о дуально-фратриальной организации. Под фратриями подразумевались две экзогамные группы – Пор и Мось, их характерной особенностью был запрет на заключение брака внутри группы. Предком фратрии Пор считается медведь, фратрии Мось – женщина-богиня *Кялтась*, которая имела несколько ипостасей (в т. ч. зайчихи, лебедя, гусыни). Каждая из фратрий имела собственный культовый центр: у Пор – Вежакары, у Мось – Белогорье, оба селения располагались на слиянии рек.

Манси традиционно жили в небольших поселениях (юрты). Поселения, как правило, состояли из нескольких родственных семей и были сравнительно далеко удалены друг от друга. Связь между ними осуществлялась в местах религиозно-культурных отправлений. Семья была патриархальной, наряду с традиционной большой, в XIX в. фиксируют наличие малых семей. В XIX – начале XX вв. часть промысловых угодий находилась в коллективном владении (в мансийском обществе не было частной формы землевладения). К началу XX в. стали оформляться территориальные общины.

Однако, несмотря на всевозможные изменения, основы мировоззренческой системы сохраняли свою устойчивость, чем и придавали устойчивость культуре как целостной системе. Основные положения традиционного мировоззрения могут быть изложены следующим образом.

В религиозно-мифологических представлениях манси Космос (Вселенная), при вертикальном делении, состоит из трех сфер – небесной, земной и подземной, которые соответственно составляют: верхний, средний и нижний миры. При выделении более сложного вертикального деления слои жизненного пространства могут доходить и до семи сфер. Существуют представления и о горизонтальном делении мира на три сферы. Например, представления, имеющие связь с рекой, где выделяется её нижнее, среднее и верхнее течение. Начало (исток) – *я́талях* ‘верховье реки’, ассоциируется как *алы* ‘верх’, где, по представлениям манси, обитают души предков. Середина – земля, мир живых людей. Конец реки, устье (низовье) ассоциируется как *ёлы* ‘низ’ и *Лүимā* ‘холодная земля’, в мифах чаще упоминается как *лүивōт* ‘холодного ветра [земля]’, потусторонний Нижний мир. Поэтому, по обычаю, мансийские кладбища расположены вниз по течению реки, а святилища вверх по течению.

В представлениях манси Верхний мир ассоциируется как мир богов и в первую очередь – это сфера обитания духа *Нуми-Тōрум’а* буквально *нуми* ‘верхний, верховный’ и *Тōрум* ‘бог’.

Его считают демиургом, т. е. якобы по его воле была создана Земля, всё сущее на ней, в том числе и человек, в одном из мифов говорится, что он создал богатырей-*ōтыров*, которые были им же уничтожены за неподобающее поведение. В другом мифе говорится, что люди — это потомки детей *Нуми Тōрум’а* (всего их шесть, пять сыновей и одна дочь), за неподчинение спущенные им на Землю, где они обрели статус первопредков, а затем стали почитаться как духи-покровители сообществ людей, объединенных сознанием единства происхождения. В большей мере это относится к северной группе манси, т. к. места «дислокации» разошедшихся в разные стороны, от места спуска, детей *Нуми Тōрума*, соответствуют территориям проживания различных диалектных групп северных манси — пельмские (*Полум Тōрум*), верхнесосьвинские (*Няраснāй Эква*), среднесосьвинские (*Тāгт Котиль о́йка*), нижнесосьвинские (обские — *Ай Ас о́йка*), сыгвинские (*Нёр о́йка*) и тегинские (*Тэк о́тыр*, сейчас на этой территории проживают ханты). Создав человечество, он удалился от дел, передав управление людьми одному из своих сыновей, *Мир-суснэ-хум’у* ‘Людей охраняющий (смотрящий) мужчина’. *Мир-суснэ-хум* — седьмой ребёнок *Нуми Тōрума*, о нём имеется множество мифов и легенд, по одной из версий, он родился между небом и землёй, когда, после очередной ссоры, *Нуми Тōрум* столкнул с небес свою жену *Кālтась* и, пока она падала с неба на Землю, родила сына. К сфере Верхнего мира относятся, помимо *Нуми-Тōрум’а*, его предки — *Опыль* и *Корс*, обитатели шестой и седьмой сферы Космоса, но для простого человека они недостижимы, люди к ним обращаются только в исключительных случаях, и то через посредников, коими являются высшие духи, в том числе и *Нуми Тōрум*. В мифах о творении совместно с создателем *Нуми Тōрум’ом* выступает образ *Тōрум Сянь*, её называют Богиня-мать, Небесная мать, Бога (богов) мать. Хотя в мифологии она и выступает как прародительница всех людей, но место её обитания — верхний мир, мир высших духов-богов. К ней не обращаются в силу её недостижимости для человека. К этому миру

относятся и светила – *Этпос-бйка* ‘месяц’ и *Хбтал-эква* ‘солнце’, в мансийской мифологии они живые существа, имеют человеческое подобие и образ жизни.

В Среднем мире (на земле) обитает *Калтась-эква*, в мифах она выступает то как жена *Нуми-Торум’а*, то как его сестра. Она вдыхает *лылы* ‘душа, жизнь’ в каждого вновь появляющегося младенца, отсчитывает его годы жизни, делая зарубки на священном посохе, и определяет его судьбу. Здесь же, в среднем мире, обитает *Най-эква (Най-сянь)* ‘богиня огня (огонь-мать)’. Жизнью людей управляет *Мир-суснэ-хум* ‘Людей охраняющий (смотрящий) мужчина’, младший сын *Нуми-Торум’а*. На земле также пребывают: первопредки – дети *Нуми Торум’а*, духи-покровители территориальных групп; духи-покровители родов и отдельных семей; лесные духи – *мёнквы* и *мис-мāхум* (в мужской ипостаси – *мис-хум*, в женской – *мис-нэ*); духи воды, гор и т. д.

К существам Нижнего мира относятся возглавляющий его *Куль-бтыр* и подчиненные ему – духи, насылающие болезни и смерть, и другие вредоносные существа.

Кроме главных духов есть множество других, в женском и мужском облике, одни из них определяют семейные отношения, другие дают удачу в охоте и рыбной ловле, третьи приносят болезни и т. д. В системе верований манси вера в духов играет доминирующую роль, поскольку мир духов находится ближе к человеку и представляется посредником между миром богов и миром людей.

Основные постулаты мировоззрения, такие как представления о вселенной, нижнем и верхнем мире, их населяющих существах; зависимости человека от различных существ; потустороннем мире, где тоже есть жизнь, но течёт она в обратном направлении; правилах отправления культов, исполнения инициаций; различных видов табу – все это хранилось в тайниках семейной памяти. В мансийском обществе существовал некоторый объем знаний, который объединял весь этнос.

И РЕДЫСТОРИЯ ПРАЗДНИКА

В конце прошлого – начале настоящего столетий, на пике движения в защиту сохранения и возрождения традиционных культур, нам посчастливилось принять участие в спорадических Медвежьих праздниках народа манси: с. Сосьва (1994 г.), д. Кимкьясуй (1994 г.), д. Хулимсунт (1994 г.), д. Ломбовож (2000 г.), д. Хулимсунт (2001 г.). На первых трёх мы были в качестве гостей, наша главная задача состояла в том, чтобы записать весь ход праздника на аудио- и видеоаппаратуру, организацией и проведением праздника занимались пожилые охотники и оленеводы, не раз проводившие эту церемонию и в качестве хозяев, и в качестве исполнителей. Следующие два праздника особенные, хотя всё в них было, как и полагается в традиции, необычным было то, что организацию их проведения взяли на себя не хозяева, а Берёзовский фольклорный архив народа манси (рук. Попова С. А.), Ассоциация «Спасение Югры» (рук. Гоголева Т. С.) На празднике, проходившем в д. Ломбовож, дополнительная помощь была оказана и комитетом Севера Берёзовской администрации (рук. Курлин М. М.), а консультантом праздника была доктор филологических наук Ромбандеева Евдокия Ивановна, известный учёный, специалист по языку и культуре манси. Также в Ломбовоже не присущей для спорадического праздника была и аудитория, по обычаю, на празднике по случаю добытого медведя присутствовали: хозяева добытого зверя, их родственники, жители близлежащих поселений. На этот же мы пригласили для передачи знаний представителей старшего поколения со всех территорий проживания манси, которые являются мастерами исполнительского искусства и мастерами проведения церемонии медвежьего праздника, а для обучения были приглашены наиболее талантливые представители молодого поколения (юноши и подростки). На вертолёте в Ломбовож прибыли делегации из д. Хулимсунт, д. Кимкьясуй, д. Тресколье Свердловской области. Впервые

Слева направо: Важенин Вадим, Качанова Анастасия, Анямов Пётр, Фризоргер Елена, Сайнахов Валерий.

приняли участие в празднике такого рода учащиеся Саранпаульской национальной школы искусств (рук. Агеев Д. Г.). Вызвано это было тем, что предыдущие праздники показали, знающих людей осталось немного и все они уже очень пожилого возраста, чтобы сохранить праздник в полном объёме, необходимо было обучать молодёжь.

Прошло десять лет, и вот, в конце декабря 2010 года, мне позвонили из Хулимсунта с предложением от охотников «зверя плясать» с условием, что организацию его проведения мы

берём на себя. По опыту зная, кто нам сможет помочь и на этот раз, я сразу же обратилась к Татьяне Степановне Гоголевой, депутату, заместителю председателя Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. К слову сказать, что с 2001 года, когда прошёл последний мансийский медвежий праздник, и до сегодняшнего дня, организованно с приглашением гостей, его праздновали всего раз – в апреле 2005 года на территории проживания свердловских манси (д. Пума-павыл, Ивдельского района, Свердловской области), благодаря усилиям Татьяны Степановны в организации его проведения и выезда группы от автономного округа для участия в нём.

Итак, поступило предложение от охотников и согласие Татьяны Степановны по оказанию помощи в организации выезда на праздник и его финансировании. Конец декабря, луна находится в фазе убывания, традиционно же праздник проводится на новолуние. Январское новолуние приходится на праздничные каникулы, решить какие-либо организационные моменты не представляется возможным. Посоветовавшись со всеми заинтересованными сторонами, взвесив все предстоящие организационные хлопоты и время на бумажные формальности, приняли решение перенести праздник на февральское новолуние. Оставшееся время в подготовительных хлопотах пролетело быстро.

Третьего февраля, на день рождения луны, группа участников из Ханты-Мансийска в составе 12 человек выехала (на частных машинах) в г. Советский. Весть о предстоящем празднике, по неизвестным каналам, разнеслась по всей округе, поэтому желающих побывать на нём было много. Но, учитывая тот факт, что попасть к назначенному месту можно только вертолётom, отбор участников проводился тщательно. Имея определённый опыт в организации проведения медвежьего праздника, отбирали в первую очередь опытных исполнителей и талантливую молодёжь. Те ребята (юноши и девушки), что привлекались нами для участия в прошедших праздниках с целью обучения, повзрослели на десять лет, многие из них получили соответствующее образование и стали преподавателями музыки на национальных

инструментах, профессионально заняты в танцевальном жанре, некоторые стали актёрами первого и пока единственного в округе национального театра. Другие, кто профессионально не связан с исполнительским искусством, в свободное от основной работы время занимаются в фольклорных коллективах и работают с детьми в Детских этнических стойбищах округа. Кто из них проявил желание принять участие в празднике, сразу же был включён в список участников, для того чтобы они смогли закрепить и углубить свои знания и умения. В будущем именно им придётся передавать молодёжи церемонию проведения праздника и те знания, что были накоплены манси за многие тысячелетия. В нашей группе оказался и самый пожилой участник праздника – Хозумов Николай Иванович (78 лет), сам в прошлом охотник и не раз был как хозяином, так и участником праздников по случаю добычи медведя. Он согласился быть в качестве консультанта, но потом он проявил себя и как строгий учитель, и как самый активный участник, поскольку некоторые вещи кроме него уже не умел делать никто.

К вечеру добрались до посёлка Советский, где нам предстояло переночевать. Нас встретил руководитель Природного парка «Кондинские озёра» Л. Ф. Сташкевич, необыкновенно добрый, заботливый человек и, как потом выяснилось, ещё и очень интересный собеседник, он любезно предложил нам переночевать в одном из домов, расположенных на территории базы. Правда, до базы нам пришлось ещё два часа добираться на машине, которая называется «вахтовка», но все трудности дороги увенчались хорошим ужином, горячей баней и отдыхом в срубленном деревянном, поэтому очень уютном и тёплом доме. Утром эта же вахтовка доставила нас сразу к вертолётной площадке, где к нам присоединилась группа, прибывшая из посёлка Игрим, Берёзовского района.

Мы погрузились в вертолёт вместе со своим имуществом, которого оказалось немало: покрышки для чумов, продукты питания, мешки с тёплой одеждой и обувью, коробки с посудой и аппаратурой. Вертолёт взял курс к месту назначения – на р. Лепл-я (так река значится на карте), в мансийское поселение, которое по народной терминологии именуется как избы Тасмановых, но на карте округа такой пункт не значится, жителей этого поселения называют просто – лэплинские манси, по названию реки, на берегу которой они проживают.

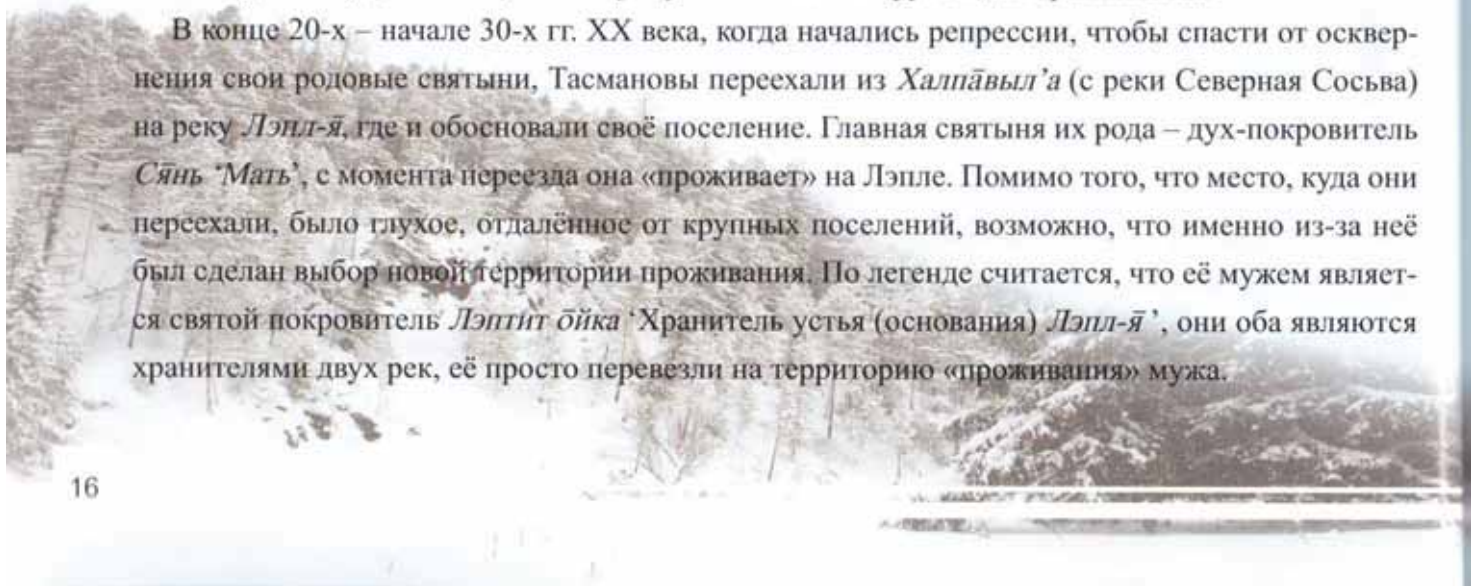
МАНСИ ТАСМАНОВЫ

Род Тасмановых ещё в начале XX века проживал в поселении *Халпāвыл* (в 9 км от села Няксимволь). Сами носители фамилии переводят название своего рода как *тāсь мā* '[пришедшие] на готовую землю' от зырянского слова *дась* 'готов (-ое,-ая)' и мансийского *мā* 'земля'.

В мансийском языке нет звонких согласных, поэтому зырянская лексема *дась* произносится на мансийском как *тāсь*. В прошлом представители рода числились как зыряне, но уже с XIX века все Тасмановы в государственных документах проходят как манси.

О том, что на этой территории когда-то проживали зыряне, говорит и топонимика, например, около *Халпāвыл*'а есть старица, её мансийское название *Саран колыцурай*, что в переводе буквально означает 'с зырянскими домами старица', говорят, что здесь когда-то жили зыряне-оленеводы. Лексема *тасма* на зырянском языке имеет значение 'охотничий пояс', которым подпоясывались только мужчины – охотники и оленеводы, он украшался металлическими фигурками, волчьими или медвежьими клыками, обязательно имел металлическую застёжку, к нему (по бокам) были прикреплены нож и брусок для правки ножа.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX века, когда начались репрессии, чтобы спасти от осквернения свои родовые святыни, Тасмановы переехали из *Халпāвыл*'а (с реки Северная Сосьва) на реку *Лэпл-я*, где и обосновали своё поселение. Главная святыня их рода – дух-покровитель *Сянь 'Мать'*, с момента переезда она «проживает» на Лэпле. Помимо того, что место, куда они переехали, было глухое, отдалённое от крупных поселений, возможно, что именно из-за неё был сделан выбор новой территории проживания. По легенде считается, что её мужем является святой покровитель *Лэпитт ойка* 'Хранитель устья (основания) *Лэпл-я*', они оба являются хранителями двух рек, её просто перевезли на территорию «проживания» мужа.

Женщины рода Тасмановых.

Сибирский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Информационно-библиографический отдел

-12306-

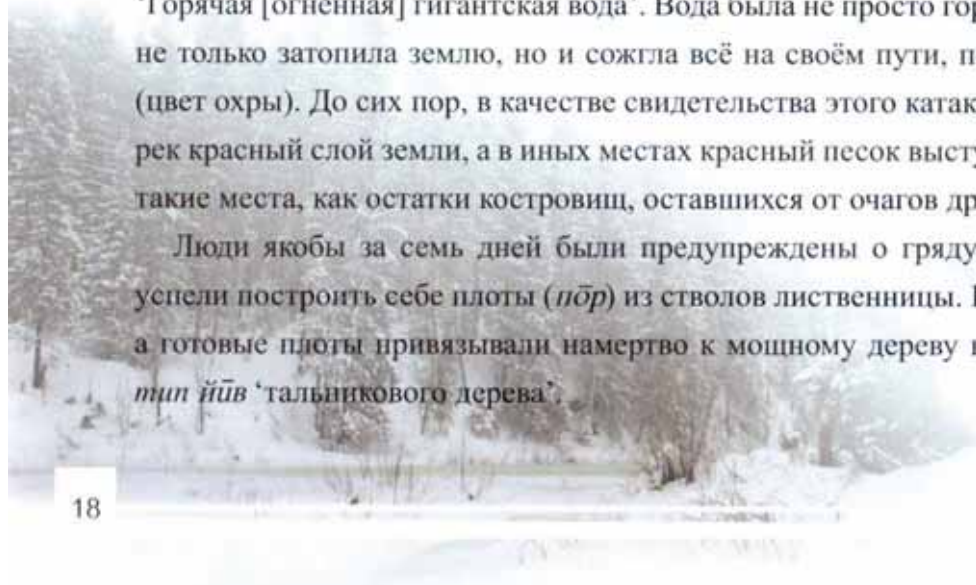
РЕКА ЛЭПЛ-Я

Свое начало берёт в горах Урала и впадает в верховье Северной Сосьвы. Манси, которые исторически проживают в верховье Сосьвы, относятся к северной группе, а их язык лингвисты выделяют как верхнесосьвинский говор сосьвинского диалекта. Древнее название реки – (н̄ох) Лапум-я̄ ‘поднимающаяся река’, от глагола н̄ох-лапӯкве ‘подняться’ с суффиксом прошедшего времени -ум и лексемы я̄ ‘река’. В названии реки отображены события, связанные с Великим Потопом.

На разных территориях проживания манси существует несколько вариантов мифа о Великом Потопе – Ялыу Сякв, что при буквальном переводе означает ‘Священное Молоко’. В Священной сказке о возникновении Земли говорится: «...Что же грохочет? – Это шумит огненная священная вода; всемирного огня одна половина на небе полыхает, другая половина в разных концах полыхает, и земля и небо – всё горит».

В одном из мифологических вариантов говорится, что однажды поднялась Исум вит капай ‘Горячая [огненная] гигантская вода’. Вода была не просто горячей, а огненной, поскольку она не только затопила землю, но и сожгла всё на своём пути, почва окрасилась в красный цвет (цвет охры). До сих пор, в качестве свидетельства этого катаклизма, люди находят на обрывах рек красный слой земли, а в иных местах красный песок выступает из земли, и люди почитают такие места, как остатки костровищ, оставшихся от очагов древних людей.

Люди якобы за семь дней были предупреждены о грядущей катастрофе и поэтому они успели построить себе плоты (п̄ор) из стволов лиственницы. Брёвна укладывали в семь слоёв, а готовые плоты привязывали намертво к мощному дереву при помощи сплетённых корней тил̄ й̄ив̄ ‘тальникового дерева’.

Река Лэп-я.

Огненная вода оставалась недолго, как говорят манси: *акв пūt пāйтнэ сыс хулиглāлыс*, т. е. всего на время, в течение которого успеет свариться один котёл (мясного бульона). За это время на плотках успело сгореть шесть слоёв, а седьмой остался невредимым, кроме того, он не потонул, т. к. лиственница в воде не тонет. На этих плотках люди сидели под укрытием пологов из рыбьей кожи, поэтому их не смыло волной, не опалило огнём, и до них не смогли добраться ни змеи, ни комары, ни какие-либо другие твари.

На реке Лэпл-я.

Крепко прикреплённые плоты поднимались вместе с водой, а когда вода сошла, места, где якобы находились плоты, облачили в статус святилищ – священная территория, где когда-то пребывали наши предки *акиянув-ākванув* '[наши] деды-бабушки', а реки (такая река не одна, а несколько) стали называться (*нōх*) *Лапум-я̄*.

По представлениям манси, наиболее выдающиеся предки – это *нāй̄ о̄тыр'ы*, букв. 'героини-богатыри', их души не погибают, а продолжают «жить» и покровительствуют людям, являясь для них духами-покровителями (духами-охранителями). Люди в свою очередь величают их «святыми покровителями», тысячелетиями хранят память о них и почитают так, как это предписано ими самими (*нāй̄ о̄тыр'ами*) в преданиях, призывных и героических песнях.

Особо почитаемыми являются первоначальные предки (первопредки), положившие основу жизни на территории проживания северных манси. По ним каждая группа манси определяет своё родство и осознаёт единство происхождения.

Во время Великого Потопа не все плоты удалось прочно прикрепить к могучему дереву, их течение унесло вниз и прибило уже на другие земли (реки). Оставшиеся и унесённые водой люди считают себя родственниками не только по крови (кровнородственные люди), но и по *ий̄ б̄тыр'у* 'духу-предку'.

В других вариантах мифов говорится, что когда вода поднималась (*н̄б̄х*) *Лапум-я̄*, то с ней поднимался участок земли (холм) вместе с поселением, что тоже сохранило жизнь проживавшим в них. Впоследствии их стали называть – (*н̄б̄х*) *Лапум ӯс* 'поднимавшийся городок', они также имеют статус священных, их называют священные городки предков (на территории проживания манси таких городков несколько).

Когда традиционные устои держались ещё крепко, священные городки выполняли функции фратриальных (племенных) центров, в них находился высший территориальный дух-предок. К нему в гости периодически (раз в 3, 5, 7 лет) как к отцу или старшему брату привозили в гости (на специальной нарте или лодке) своих *пупыг* родовых духов, с разных территорий проживания манси, но считающихся между собой кровными родственниками, членами фратрии (племени). В каждом поселении, по пути их следования, родственная семья по духу-предку на «шее» *пупыг* привязывала *сып̄т̄ор* 'нашейный платок, ткань', взамен этой семье отдавалась ткань, которая уже некоторое время находилась на «шее» *пупыг'а*, такой обмен производился только между родственными семьями. По прибытии всех родовых духов к месту назначения, начинался периодический праздник в честь главного по старшинству святого покровителя-первопредка. Наиболее известен, поскольку исполнялся ещё в наше время, периодический медвежий праздник в Вежакарах. В то же время Вежакарского духа-покровителя *Консыц̄ ой̄к'у* 'Когтистый мужчина (старик)', раз в 3, 5 лет возили в гости к отцу (старшему брату) на Пелым, где тоже устраивался периодический медвежий праздник.

НАШ БОЖЕСТВЕННЫЙ МЛАДШИЙ БРАТИК

Манси почитают медведя поэтому, никогда не называют его настоящее название. Если речь заходит о медведе, то в его адрес употребляются только описательные слова и выражения: *вõртõлнут* 'в лесу живущий', *уй* 'зверь', *торев* 'белый, т. е. священный', *пупыг* 'дух-покровитель', *пупа айси́кев* 'божественный наш младший братик', *консы́н ой́ка* 'когтистый мужчина', *унт уй* 'лесной зверь', *нюрум уй* 'луговой зверь' – и таких названий существует большое количество. В фольклоре манси сохранилось множество вариантов мифов, легенд и преданий о происхождении медведя, появлении его на земле и сущности его образа. В одном из них говорится о его небесном, божественном происхождении: *Своевольная и непослушная дочь Верхнего Духа ослушалась отца: «Жадный зверь могучий, моя доченька, Мною сказанного слова не послушала». Увидев Землю, которая сверху показалась очень красивой, она начала проситься: «Батюшка, на Землю отпустил бы ты меня». Отец, не выдержав её уговоров, спустил её в золотой (серебряной) люльке вниз, так она оказалась на Земле. Но Земля красивой смотрелась только сверху, а на деле яркий жёлтый цвет Земли оказался болотами, а зелёный – зарослями колючего шиповника и черёмухи, сквозь дебри которых с трудом ей приходилось пробираться. Она не выдержала всех испытаний и трудностей, преследующих её на Земле, и превратилась в медведицу. Из другого мы узнаём, что медведь – человеческий сын, его вырастила и воспитала одинокая женщина, но по непонятным причинам (их просто не объясняют) превратившийся в зверя: Дети, сверстники сына женщины, сначала играли, баловались с ним, а потом вдруг стали избегать и бояться его. Мальчик в недоумении посмотрел на себя и увидел, что руки*

у него мохнатые, покрыты шерстью. Вместо пальцев – длинные когти. Тело, оказывается, тоже обросло шерстью. Подойдёт к одному дому – собаки лают, подойдёт к другому – собаки набрасываются на него. Жизнь рядом с людьми для мальчика стала невыносимой, и он был вынужден уйти в лес.

Существует предание, которое считается самым древним: Мосьнэ 'женщина Мось' родила сына от неизвестного мужчины, который приходил к ней три ночи в образе замшелой, заплесневелой поварёшки. Чтобы люди не подумали, что она родила от родного брата, так как кроме них в доме никто не жил, женщина, во время ледохода, поставила колыбельку с новорождённым на льдину, и течение унесло малыша. Мужчина, отец ребёнка, рассердился на неё за этот поступок и погубил её. На том месте, где она погибла, вырос куст со съедобной травой. Однажды медведица съедает с куста пучок травы, а затем у неё рождается три детёныша. Двое на неё похожие – медвежата, а один детёныш (дочка) похожа человек. В девочке, оказывается, возродилась погибшая Мосьнэ. Медведицу с медвежатами добыли охотники, а девочку взяли к себе. По случаю добычи медведей, охотники сыграли медвежий праздник, после чего души медведицы и двух её медвежат ушли на небо и там стали отражаться (в виде звёзд). Девочку же, когда она выросла, выдали замуж за младшего сына Ёсын ётыр ёйки – хозяина добывшего медведей. Когда-то мать-медведица предупреждала дочь, чтобы она не выходила замуж за младшего сына Ёсын ётыр ёйки, но девочка не знала причины, а выйдя за него замуж, она в муже узнала своего собственного сына, которого когда-то отправила на льдину. Она сказала, что в будущем так не должно быть, взяла нож и убила себя. Её душа тоже ушла на небо в верхний (светлый) мир, к матери-медведице и братьям-медвежатам, где она навсегда приобщилась к медведям, а на земле от неё осталось и пошло разрастаться племя людей Пор, покровителем которого стал медведь. Если вечером посмотреть на звёздное небо, то можно увидеть созвездие «Большая медведица», семь звёзд в виде ковша, где первые три звезды (ручка ковша) – это отражение шагающих по небу медведицы с двумя медвежатами, без

дочери. Другие четыре звезды, расположенные квадратом, – это отражение небесного дома, в котором семья обитает уже в полном составе – медведица и три её детёныша: два медвежонка и дочь *Мосьнэ*. По другим данным, отражение медведицы – это созвездие Малой медведицы.

В хозяйствовании манси, особенно северной группы, в большей степени проявляется охотничий промысел, борьба за удачу в нём породила множество различных представлений в отношении добываемых животных, а это, в свою очередь, привело к возникновению определённых обычаев и церемоний. Из добываемых зверей медведь занимает совершенно особое положение. Охотник, знающий нрав и повадки медведя, понимает, что как удача в его промысле, так и его безопасность перед хищником зависят не только от большой осторожности, но ещё и от того, насколько он готов следовать традиционным обычаям. В отношениях охотника и медведя предписан целый ряд правил, норм, запретов. Охотнику нельзя позорить и хулить медведя, а наоборот, нужно оказывать почести. Охотник не должен хвалиться, что медведь для него лёгкая добыча. Шкуру медведя нельзя выделывать, а мясо есть только маленькими кусочками. За нарушение запретов неминуемо последует расплата – мечь медведя. Медведь – сильный и умный зверь, может нанести значительный урон. Он может уничтожить запасы мяса, рыбы, муки; убить оленей, и даже напасть на человека, поэтому самое мудрое – это поддерживать с таким существом добрые отношения. Особенно нужно остерегаться ложной клятвы на туше или шкуре медведя, её частях (лапе, морде, черепе, носе, зубе). Считалось, что за ложь и нарушение клятвы медведь может разорвать человека. В свою очередь, для медведя тоже существуют мифологические предписания в том, как он должен вести себя с людьми и их имуществом. Он не должен распугивать женщин и детей в ягодниках. Ему запрещено трогать попавшую в ловушку охотника добычу; разорять амбары с запасами еды и *уры* ‘культовые постройки для духов-покровителей’; беспокоить тела покойников, иначе он обязательно станет добычей охотника.

Виновица- праздника.

Охотники, которые сами добывали медведя, утверждают, что остов освежеванного медведя очень похож на остов человека, отличается только размер конечностей, у зверя они короче. Его повадки схожи с повадками человека, например, чтобы не донимали его комары, соберёт гнилушки и соорудит что-то, похожее на дымокур; или его любимое занятие – извлекать звук из расщеплённого пня. Возможно, из подобных наблюдений складывались представления о том, что первоначально медведь был человеком. Люди, которые в лесу неожиданно сталкивались нос к носу с медведем, уверяют (или пересказывают бывальщины), что медведь может понять человеческую речь. Поэтому, чтобы ввести его в заблуждение, например, во время медвежьего праздника или в период охоты на него, используют особый табуированный язык. Кроме

того, по представлениям манси, медведь, как и человек, имеет душу, которая после смерти животного может реинкарнировать. Поэтому всё, что связано с его добычей, тщательно скрывается. Охотники манси считают, что они не добыли медведя, а *низвели зверя*. Низвести зверя означает не уничтожить его физически, а только спустить его с небес вниз на некоторое время, чаще всего на время праздника, по окончании которого якобы он вновь отправится в верхний мир.

Для того чтобы душа медведя приобрела новое воплощение, необходимо посредством религиозных обрядов проводить её обратно в Верхний мир, тогда убитый медведь не будет мстить, а может ещё вернуться на прежнее место обитания и снова стать добычей охотника. С глубокой древности и до наших дней сохраняется обряд примирения и отправления души низведённого охотником медведя в церемонии феномена мансийской культуры «Медвежий праздник», который, в свою очередь, является элементом культа медведя вообще. По установившейся народной терминологии, сами манси называют праздник *Уй ййкв* ‘зверя танец’ или *Уй ййквуэ* ‘зверя танцевать’.

В традиционной культуре манси выделяется два вида медвежьего праздника: периодический – календарный и спорадический – по случаю добычи медведя. Периодические праздники имеют связь с положением небесных тел и с важнейшими солнечными фазами – зимним и летним солнцеворотом, весенним и осенним равноденствием. Особо отмечаемые из них проходили в периоды, которые сами носители традиции называют: *тāl котиль* ‘середина зимы’ и *туи котиль* ‘середина лета’. В данном случае речь идёт о солярных календарных [периодических] традиционных праздниках *Яныг ййкв* ‘Большие [священные] танцы,’ широко отмечаемые в прошлом в период зимнего солнцеворота, и *Торев ййкв* ‘Белого [священного] медведя [медведицы] танцы’ в период летнего солнцеворота, которые проводят раз в семь (пять, три) лет. В дни осеннего и весеннего равноденствия отмечались ежегодные праздники годового цикла – *Торум кан* (на год зиму) и *Уринэква хōтал* (на год лето).

Для проведения *Яныг ййкв* медведя специально не добывали, они были посвящены не конкретному убитому зверю, а мифическому предку фратрии *Пор*, и выполнялись в определённом месте. Основная цель соляных периодических праздников – привезти родовых духов «в гости» к духу-покровителю высшего ранга (фратриальному или племенному), тем самым подтвердить, что все, кто приехал на праздник, являются родственниками. В системе родства манси чётко подразделяется принадлежность, с одной стороны, к определённому роду отца/матери (кровное родство) и принадлежность к роду мужа/жены, т. е. родство по браку, свойству (приобретённое родство), но помимо этого у манси существует ещё одна форма родства – *пупыг сирыл* ‘по духу-покровителю’. Коллективом родственников по духу-покровителю совершается ряд празднично-обрядовых церемоний в его честь, где оказываются почести, подобающие его рангу. В свою очередь люди обращаются к нему со своими просьбами. Мифологический высший дух-покровитель – один из первопредков и, по представлениям манси, именно он несёт всю ответственность за миропорядок на закреплённой «в первоначальные времена» за ним территории и благополучную жизнь людей, проживающих в его владениях.

В структуре празднично-обрядовых церемоний по «сценарию» каждый раз воспроизводится (инсценируется) символика «правремени» – время эпохи мифологических творцов-первопредков, что даёт возможность каждому поколению переживать и обновлять архетипические первообразы и активизировать веру в магические духовные силы. Эти праздники обладают наибольшей сакральной силой и являются главными праздниками традиции. В них сконцентрированы все признаки, соответствующие архаическому «первопразднику»: традиционный, т. е. основанный на обычаях традиции и сохранившийся с древних времён; священный, по сути (*яныг* – большой, главный; *ялпыу* – священный) и месту проведения (*ялпыу м̄* – особая, священная территория, *яныг кол* – большой, главный, культовый дом); долгий срок празднования (до 49 дней) и всеобщность. Неотъемлемой частью праздника являются также

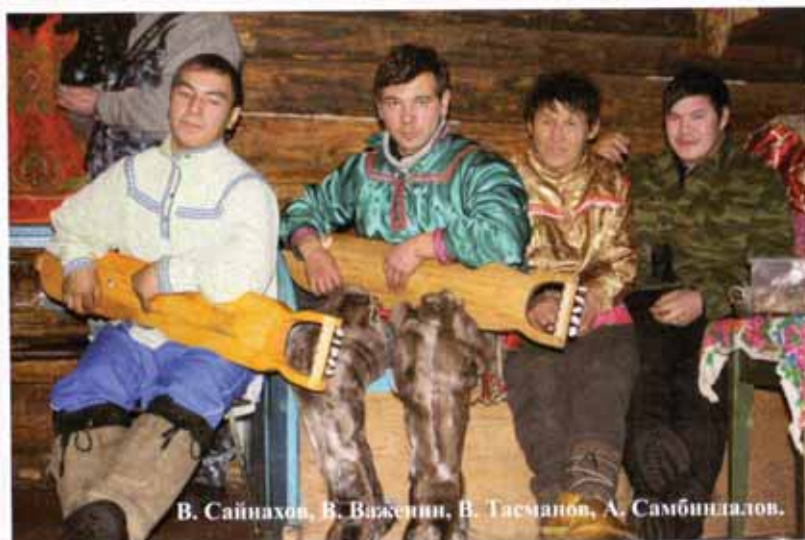
и гадание, ряженье, игровой характер, музыка и танцы, эмоциональность. Возможно, поэтому иногда и переводят название праздника как «игрища» или «пляски», что не соответствует сути «зверя танцевать». Генезис танца (в смысле танцевать животного) уходит своими истоками в глубокую древность и связан с периодом, когда для манси основным или преобладающим источником существования была охота. Успех в промысле гарантировал сохранение рода, его защиту от голода, болезней и несчастий. Поэтому юношей, как будущих охотников, приёмам охоты начинали обучать рано. Обучение велось тщательно и довольно долго. Во время обучения они получали знания и умения (магическую силу) управлять окружающим миром, в том числе и животным. Часть обучения проходила посредством танцев, заключающих в себе подражание зверям и птицам (характерные движения, повадки, чутьё, нрав и т. д.). Достоверность воплощения в того или иного животного, по представлениям манси, имела ещё одну цель – магические действия (подобное вызывает подобное) должны повлиять на размножение промысловых зверей. Пройдя обучение и все испытания (инициации), юноши переходили в следующую возрастную категорию – *хумыг уйыг*, где *хум* ‘мужчина’, а *уй* ‘зверь’, буквальный перевод означает ‘мужчина, имеющий [силу] зверя’. Слово «зверь» усиливает значимость возраста – не слабый юноша, а окрепший, возмужалый, что эквивалентно в русском языке значению «матёрый, заматерелый». Сакральное название мужчин этого возраста: *вӕнның-консыңыг*, что буквально означает ‘плечистый-когтистый’. Это означает, что юноши в ходе посвятельных обрядов овладевают, в том числе, и сакральной силой *Консың бӕйк’и* ‘Когтистый мужчина’, так манси иносказательно называют медведя. В нужное время (на охоте или в воинской битве) мужчины якобы могут воплотиться в него и сумеют проявить не только его физическую, но и сакральную силу. Умение воплотиться в зверя (медведя) посредством танца или маскировки – это ещё одно основание появления представлений, что медведь прежде был человеком.

Для периодических медвежьих праздников особо характерно число «семь»: обычно их периодичность – раз в семь лет; как правило, на них приезжают с семи территорий; для каждой территории отводится семь дней празднования; семь жертвенных животных и т. д.

Обрядовая практика связана с символом, подражанием и восприятием и рассчитана

воздействовать на человеческую психику. В архаичном сознании наших предков под воздействием среды обитания, условий выживания, моделирования коллектива оформился и закрепился соответствующий традиции образ-символ – медведь. В нём фактически сконцентрировано всё мировоззрение народа – от мифологического сотворения мира до наших дней. Именно через этот символ-образ идёт признание всеми членами коллектива общей системы ценностей, общего набора норм, законов и формирование образцов поведения, свойственных данной культуре, что даёт объединяющий эффект и сохраняет от разрушения человека как личности, а коллектива как общности. Для достижения поставленной цели необходимо организовать празднично-обрядовую сферу деятельности в целостную систему или цикл представлений, т. е. периодичность (ежегодные, двухгодичные или семилетние) согласно определённым обстоятельствам. Цикличность же воспроизведения календарных обрядов в годовом круге порождает такое представление о времени, которое организует жизнь коллектива

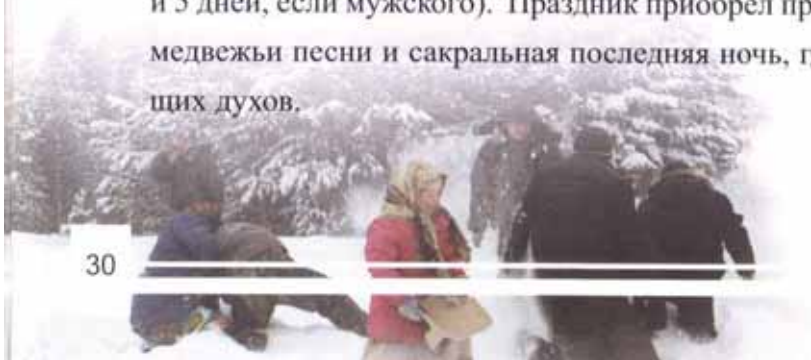
В. Сайнахов, В. Важенни, В. Тасманов, А. Самбинладов.

посредством ритуалов и продолжает поддерживать установленный мифологией порядок в природе и обществе.

В силу различных обстоятельств главный праздник, проводимый в период «середины зимы» и согласно обычаям традиции, выражавший мужскую суть, перестали отмечать в полном объёме ещё в начале прошлого века. Известно, что в советское время, тайно от властных структур, его проводили в Вежакарах (объединение ханты и манси), но к концу столетия праздник прекратил своё существование. В настоящее время невозможно описать все обряды, соединенные с периодическими празднествами в честь медведя как духа-покровителя людей, объединяющих себя самоназванием *Пор*. Другой праздник, проводимый в дни «середины лета» и согласно тем же обычаям, проводился в дни «середины лета», в нём выражалась женская суть, но он перестал существовать так давно, что о нём почти нет сведений. Благодаря консервативности обрядовой системы, сохраняющейся в символах, знаках, вербальных конструкциях прошлых святынь, можно выявить, что он постепенно был видоизменён и трансформировался в праздник годового цикла *Тõрум кан* 'место поклонения богу *Тõруму*', праздник, отмечаемый на год-зиму и уже с мужской сутью.

Параллельно периодическому празднику получил развитие спорадический праздник, который справляется по случаю каждого добытого зверя (медведя) и который сохранился до наших дней. В сравнении с периодическим праздником *Яныг ййкв* 'Большие (главные) танцы' сузилась география мест, с которых прибывают на праздник, это в основном гости и исполнители с близлежащих поселений. Сократилось время, отведённое на праздник, вместо 49 дней стали отмечать 7-8 дней, а в настоящее время празднуют 4-5 дней (4 дня, если зверь женского пола, и 5 дней, если мужского). Праздник приобрёл профанную часть, священными остались только медвежьи песни и сакральная последняя ночь, где «вводят» местных (а не родовых) и всеобщих духов.

В настоящее время для народа манси медвежий праздник по-прежнему остаётся главным праздником, в нём в комплексе отражено традиционное мировоззрение: представления о Вселенной, её горизонтальной и вертикальной модели (медвежьи песни о его «жизни» в верхнем мире; песни спуска медведя на землю; география сакральных мест). В ходе спорадического праздника выявляются рудименты многих древних обрядов охотничье-промысловой культуры, например, магические промысловые обряды; ритуалы, имеющие связь с культом животного (охота на медведя, снятие с него шкуры, ритуальное поедание мяса; похороны его черепа и костей); охотничье-производственное табу, которое породило промискуитет (оргастические праздники). Помимо охотничьей культуры в них обнаруживаются фрагменты периодических календарных праздников; культ предков и связь с обрядами перехода (родильный, похоронный, свадебный, инициации). Неизменным остаётся комплекс очищающих и охранительных обрядов.

Современный спорадический медвежий праздник манси по случаю удачной охоты на медведя основан на следующих моментах: установление наличия берлоги; его добыча; доставка домой; встреча в поселении; подготовительные обряды; очищение; собственно праздник, сопровождающийся песнопением, танцами и драматическими представлениями; обряд жертвоприношения животного; священная ночь; разрушение стола; вынос; очищение; гадание на следующую добычу; проводы его в лес и поминки.

Медвежий праздник на Лэпле отличается от предыдущих спорадических праздников, в которых мы принимали участие, тем, что в нём сохранились некоторые моменты некогда бытовавших, периодических праздников.

ДНЕВНИК ПРАЗДНИКА (ЗАПИСКИ ЭТНОГРАФА)

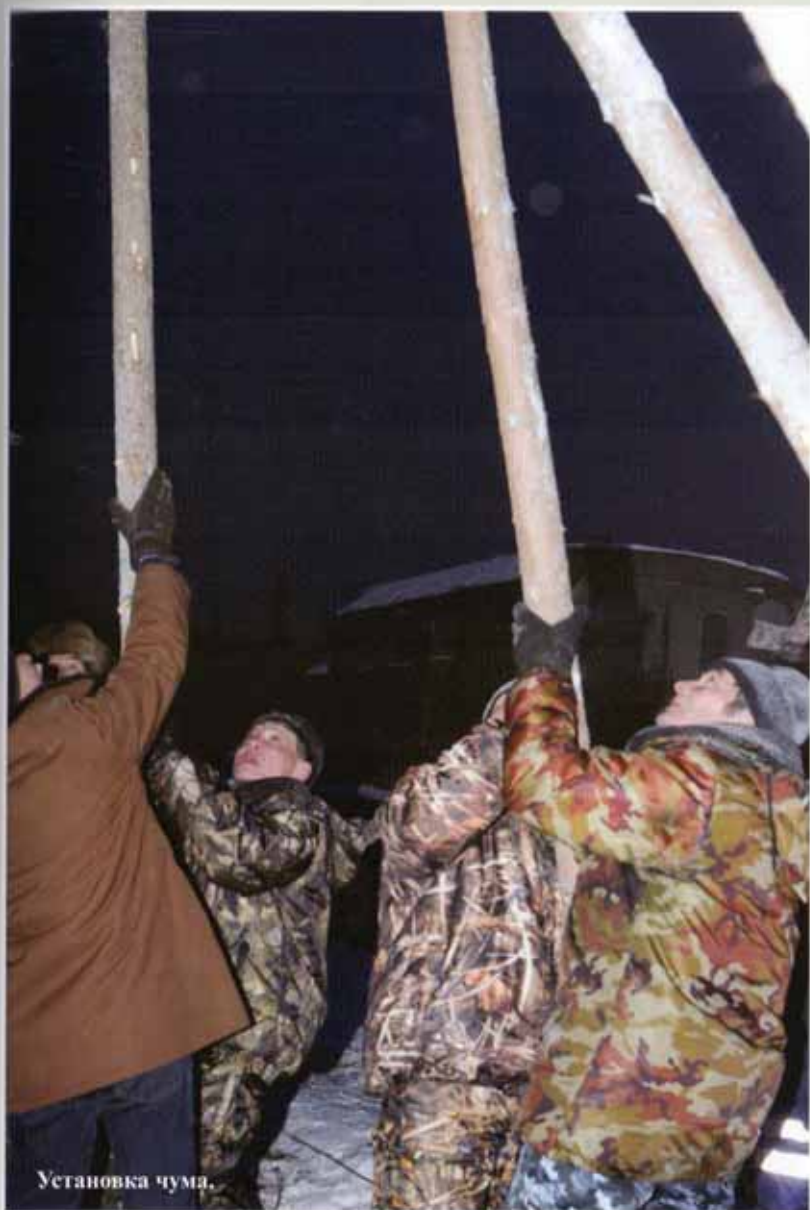
ДЕНЬ ПРИБЫТИЯ

Прибыв на место и разгрузив вертолёт, который сразу же улетел в Хулимсунт за остальными участниками праздника, мы, не теряя времени (зимний день короткий), приступили к обустройству места своего временного обитания. Всё поселение состоит из четырёх небольших домиков, места для проживания большого количества людей нет, поэтому мы решили поставить два чума. Часть шестов для остова чума были заготовлены, поэтому к установке первого чума приступили сразу. Пока устанавливали первый чум, мужчины приготовили недостающие шесты для второго. Покрышки для чумов мы привезли с собой. Печки, трубы, шкуры,

Г. К. Арташьева, Т. С. Боголева, А. С. Мерова

полога и провиант: две туши оленьего мяса и мешки с рыбой были заранее доставлены на машине из Саранпауля – это позаботились об участниках праздника глава администрации Саранпаульской территории Алексеева Надежда Геннадьевна и её заместитель по социальным вопросам Стаканова Любовь Павловна. Пока ставили чум, вертолёт

Установка чума.

привёз из Хулимсунта остальных участников праздника, с их помощью завершили установку второго чума. Распилили брёвна и накололи дров, растопили печи, в чумах стало немного теплее. Наконец появилось время оглядеться, и мы ахнули от увиденного. Мы оказались в божественно красивом и уютном месте. Вокруг нас густой и пушистый от снега лес, рядом река, за рекой скала с густыми зарослями деревьев на вершине, а поверх «спины леса», изредка, как постовые возвышаются лиственницы. Стемнело быстро, и сразу же появились огромные звёзды, они были так близко, что казалось, протяни руку и обязательно до них дотронешься. Если Бог и создавал мир, то, наверно, начало мироздания пошло с этих мест.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПРАЗДНИКА (ДЕНЬ ВНОСА В ДОМ)

Медведица была добыта несколько месяцев назад и поэтому первоначальные обряды, связанные с обнаружением берлоги, добычей, «снятием шубы» и доставкой в поселение, охотники провели ещё осенью. В случае если праздник откладывается и его проведение намечается на более поздний срок, голову со шкурой набивают сеном и распяливают палками, чтобы они не усохли и не утратили объёмности. Так поступили и с нашей виновницей торжества –

Участники праздника.

её поместили на специальную полку из досок, прикреплённую к задней (от входа) священной стене жилого дома охотника, где она и хранилась до нашего приезда.

Традиционно праздник начинается вечером и длится четыре или пять ночей, в зависимости от того, какого пола зверь *к̄атын патыс* 'попался в руки', что на языке охотников означает «добыть, убить». В нашем случае была медведица, поэтому нам предстояло празднование в четыре ночи. Интересно, что в период медвежьего праздника счёт суткам идёт по древнему мансийскому счёту времени, т. е. день и ночь считаются равными друг другу цельными периодами – *эти* (*ити*) 'темно' и *лос* 'светло'. В настоящее время слово *этнос* употребляется в значении «календарный месяц».

Первые день и ночь считаются одним днём вноса медведицы в дом и ночь за ночь не идёт, т. к. столько времени необходимо зверю оттаять (отогреться).

До обеда день прошёл в работе по обустройству чумов, приготовлении пищи, заготовке дров и воды – обычные деревенские хлопоты. Приготовление к празднику и начальные обряды церемонии начались во второй половине дня.

Василий, хозяин добытой медведицы, и его помощник Никита Куриков провели обряд её «укладывания» в *аи́у* 'колыбель младенца'. Колыбель для зверя – временное сакральное

Н. Куриков и В. Тасманов
вносят «люльку» в дом.

Очищение снегом.

помещение, традиционно изготавливается из сплетённых прутьев гибкого дерева в виде дуги и скреплённых поперёк дуги нескольких перекладин. Колыбель застелили оленьей шкурой и в неё, как младенца, уложили шкуру с головой и лапами таким образом, что голова легла между лап медведицы. Затем закрыли глаза монетками, нос и рот прикрыли кусочком бересты. В стакан налили водку и поставили перед головой, произнесли *пõйкил*, буквально переводится как 'просьба', что соответствует значению 'молитва'. Разлили по рюмкам содержимое стакана, выпили, положили поклоны, повернулись вокруг себя по солнцу и ещё раз поклонялись. Затем,

взяв колыбель за два конца, вынесли её со священной стороны дома с целью обратить на себя внимание и ввести в заблуждение зверя, четыре раза прокричали: «*Уй с̄али-воли охо-о-ов!*», что означает: «зверь олень доставлен!» Навстречу колыбели должна была выбежать хозяйка – жена охотника, добывшего медведицу, в правой руке она должна нести *с̄ос*, т. е. подоженная и дающая дым чага (трут с берёзы) для окуривания (очищения), но Василий в свои 47 лет ещё не женат, поэтому, когда была необходимость окуривания, эту процедуру исполняла его старшая сестра Татьяна Самбиндалова (Тасманова).

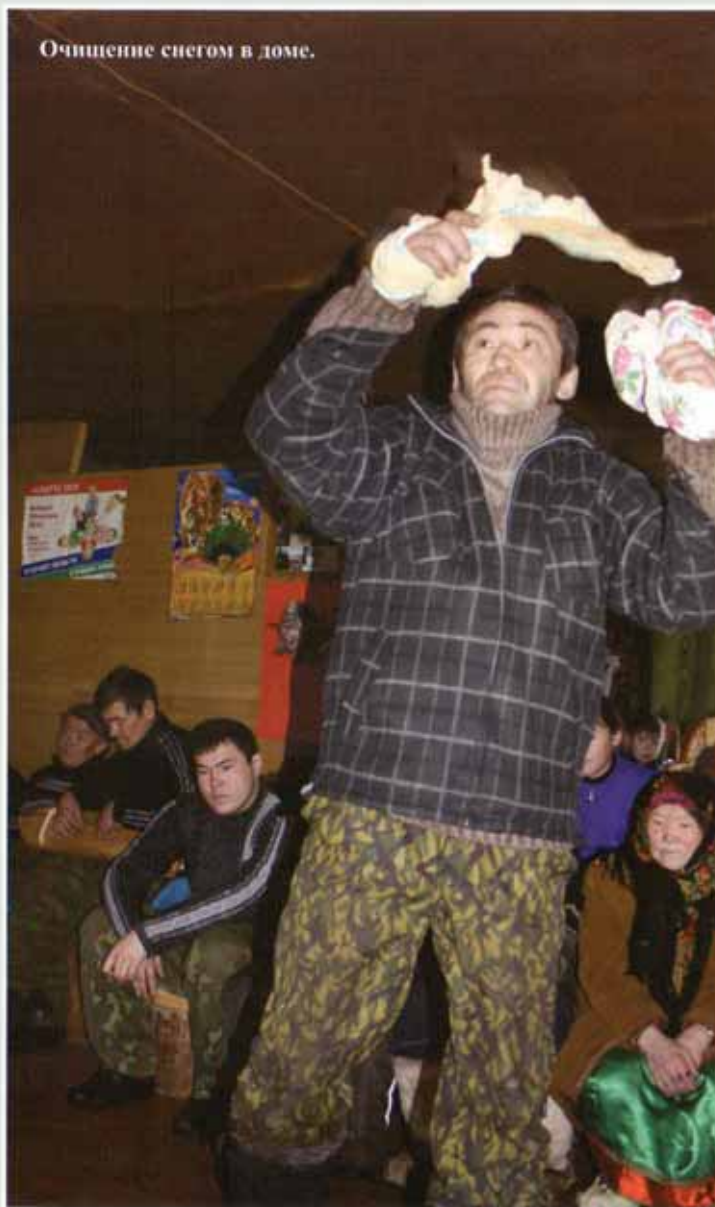
Весь присутствующий народ радостно воспринял их появление. Поднялся шум, гвалт, стали бросать друг в друга снег, бороться и барахтаться в снегу. Общее веселье, смех. После «купания в снегу» в теле появилась лёгкость, в голове просветление, а в душе радость и умиротворение. Все печали, тревоги, заботы и всё прочее, что называется бытие, куда-то улетучились. Такой заряд бодрости даёт обряд очищения перед тем, как войти в дом.

Мужчины внесли в дом колыбель и поставили её на маленький столик *уй норма* ‘полка для зверя’ с которой якобы медведица будет наблюдать за всем происходящим в доме. Здесь же, перед головой медведицы, поставили *с̄ос*, жестяная баночка с подождённой чагой, которая будет тлеть и дымить на протяжении всех дней и ночей праздника. Также, на весь период праздника, на столике будет находиться символическое угощение для медведицы – еда как купленная

Очищение снегом.

Очищение снегом в доме.

в магазине, так и приготовленная хозяйками: хлеб, табак и распечатанная бутылка с вином. По традиции, обычно ставится берестяная прямоугольная коробочка с испечёнными из теста фигурками животных, которыми питается медведь: олени, боровая дичь, но здесь их заменили сухим печеньем в виде различных животных.

Столик установили на самом почётном месте – *мулы с̄ам* ‘священный угол’, что можно соотнести с русским понятием «красный угол», с левой стороны священной стены. Священной, на мансийском языке *ялпың*, в этом доме является дальняя от входа часть, где обычно в углу на полке хранятся (в мешке, в сундуке) семейные святыни. В эту часть дома нельзя заходить девушкам, женщинам, а также непосвящённым юношам и чужим мужчинам. В доме Василия угол отгорожен досками, на полке с раздвинутой шторкой, которая в обыденное время прикрывает угол от

чужого взгляда, вместо сундука находится его современный эквивалент – чемодан, в котором он и хранит свои и доставшиеся от родителей святыни. На время праздника он вынул из чемодана приклады и развесил на протянутую верёвку вдоль стены, за спиной медведицы: множество разноцветных жертвенных платков, жертвенные шкурки чёрных соболей, рыжих лис и несколько шкурок россомахи. На спину медведицы накинул большой красивый платок, а перед головой положил пару суконных рукавиц с нашитым на них орнаментом «медведь». На пол, перед столиком, поставили пластиковый тазик, наполненный снегом (традиционно должна быть берестяная коробочка). Когда в дом вошёл народ, хозяин взял тазик и, стукнув кулаком по его дну, опрокинул его содержимое на присутствующих, чем заверил людей, что медведица тоже участвует в игре со снегом. Затем, на протяжении всего праздника, каждого впервые входящего в дом человека будут осыпать (очищать) снегом.

К колыбели подходили по очереди, женщины с правой стороны, мужчины с левой. Каждый поцеловал и погладил голову со своей стороны, положил на столик, перед головой медведицы, привезённое с собой угощение и подарки: платки, бусы, кольца, ткани. Когда церемония целования закончилась, медведица стала выглядеть очень нарядно – накрытая новыми большими и маленькими разноцветными платками (они какое-то время должны побыть на ней, а затем их тоже вывешат к прикладам на верёвку), на шее яркие бусы в несколько рядов, а на каждом когте красивые кольца.

Церемония целования.

В. Тасманов, С. Бахтияров, А. Тасманов.

Самый пожилой участник из всех присутствующих, Николай Иванович Хозумов (78 лет), сам в прошлом охотник, устроитель медвежьих праздников, проговорил на мансийском языке *пõйкил* 'просьбы', что можно соотнести с русским словом «молитва», после чего все поклонялись и совершили оборот вокруг себя по солнцу. Затем все разошлись на перерыв и приготовление к вечерней программе.

К часам семи народ постепенно начал подтягиваться в дом. Музыканты уже играли мелодии на национальном инструменте *сѣҥквылгап*. К слову сказать, что мастеров игры на этом инструменте оказалось много и инструментов было достаточно, т. к. многие музыканты привезли их с собой, что, конечно, оказалось выигрышным на этом празднике. В течение всего праздника музыка в доме почти не смолкала, соответственно и много танцевали, что вносило ещё больший праздничный настрой. О музыке и танцах как в исполнении женщин, так и мужчин следовало бы сказать отдельно и хорошо, если бы это сделал исследователь музыкальной и танцевальной культуры. Хочется отметить, что в глаза бросалось различие исполнения и характер танца. Танцевальные движения женщин соответствовали характеру рек, на которых они проживают: Оби, с нижнего течения Сосьвы и Ляпина (Сыгвы), этих полноводных и с медленным течением рек – более плавные и намного медленнее, чем быстрые с крутым нравом верховья Северной Сосьвы и Лозьвы, что определялось и по быстрому темпу мелодий и более энергичным движениям. Впервые удалось увидеть много танцев в исполнении мужчин, и разница в их исполнении просто поразила. Каждый танец выдавал род занятий исполнителя: оленеводы взмахами кистей рук и оборотами вокруг себя имитировали бросок аркана, в прыжке и глубоком приседании как бы выбирали оленя из стада. Охотники же, наоборот, почти не сгибая ног, имитировали движение на лыжах, а движением рук на уровне лица как бы прицеливались к добыче.

Перерыв. Танцуют женщины.

Маска.

также подвязана и между ног. На ногах суконные чулки и *нйрки* (короткая обувь из лап лося). Во время выступления они говорят тонким голосом (фальцетом). Чаще всего в артисте трудно узнать кого-либо. Входят в дом, здороваются, затем ведут шуточный диалог с присутствующими, выясняя, для чего здесь собралось так много народа. Долгое время якобы никак не могут понять, что здесь происходит, а когда наконец до них доходит, подходят к голове, делают вид, что сильно испугались. Когда же их спрашивают, откуда они пришли, то отвечают: «с той земли, с той стороны» (*тапал ма*) или *Топул ус*, т. е. из города Тобольска, доказывают, что они не с этого поселения, а чужие, приезжие люди и к празднику не имеют никакого отношения.

Большая часть праздника – это театр, где исполняются драматические представления – *тўлыглап'ы*. Число их очень велико, а тематика самая разнообразная. Все артисты выступают с лицом, закрытым берестяной маской *сās нёл*, что буквально означает 'берестяной нос'. К выступлениям они готовятся в мужском чуме, расположенном по соседству с домом, где проходит праздник. В роли артистов выступают только мужчины, если роль женская, то они переодеваются в женское платье и на голову накидывают платок. К основным атрибутам артистов, помимо берестяных масок, можно отнести палку, с которой они не расстаются на протяжении всего выступления, поскольку её использование многофункционально – это и ружьё, и весло, и посох и т. д. Одеты они в суконные гуси, подпоясаны не как обычно охотничьим поясом, а верёвкой, которая

Следует отметить, что каждое представление длится по времени в зависимости от таланта исполнителей, ограничений никаких нет, некоторые *тулыглар* 'сценки', где требуется общение со зрителем, идут достаточно долго, поэтому здесь даётся не описание, а краткое содержание некоторых из них.

Первыми идут представления со сценами из жизни охотников, где в шутовой форме высмеивается хвастовство и нерадивость: 1. *Пиц-пиц* 'мышка'. Хвастливый охотник рассказывает, что никого и ничего не боится, даже сам медведь для него ничтожная добыча. Но услышав писк мыши и увидев её (кусочек шкурки на верёвочке, привязанной к его поясу), сначала пытается отбиться от неё, а потом падает в обморок. 2. *Вбраян хумыг* 'два охотника'. Пришли в лес, обнаружили берлогу. До охоты решили поворожить. Старший сел, взял палку под колено и воровит: здесь есть берлога, сегодня добудем двухголового, трёхголового зверя. Второй сбегал домой, принёс нарты. Старший ругается, что нарты маленькие принёс. Спорят, нужны ли нарты побольше. Старший говорит: добудем и в моём доме будем играть, мой дом «большой дом», а в твой кто придёт! Пока спорили, медведь из берлоги сбежал. Берлога опустела. 3. *Эсыхатнэ хумрись ос мёнкв ойка* 'хвастливый мужичок и мёнкв' (лесное существо, великан). Мужичина представляется охотником и начинает расхваливать себя: «Совсем

нет боязни. Ничего не боюсь. В лес один хожу, добываю чёрного зверя, красного зверя. Оленя добуду, за пояс заткну, лося добуду, за пояс заткну. Двух оленей, трёх лосей добуду, так и иду домой. Лося два дня гоню, три дня гоню, всё равно добуду. Ничто меня не остановит, никто не пугает». Вдруг слышится свист, прислушивается. Ещё свист, пугается: кажется, кто-то есть. Громкий свист под ухом, охотник

от испуга падает в обморок. Реплика: *Ат пилнэ хум та рагатас* 'не имеющий страха мужчина, так и упал'. 4. Входит мужчина, в руках длинная верёвка, её конец оставлен за дверью. Мужчина представился охотником, на конце верёвки якобы его добыча. Он хвастливо рассказывает, какой большой зверь ему попался и как ловко он с ним расправился. Тянет за верёвку и делает вид, что прилагает большие усилия, чтобы втащить зверя в помещение, но зверь якобы настолько тяжёлый, что его никак невозможно втащить. Просит присутствующих ему помочь. Когда всё же конец верёвки подтащили, то там оказался не большой зверь, а маленькая мышь. 5. *Аньтыц сорт* 'рогатая щука'. Мужчина ставит *арпи* 'запоры' – приспособление для вылова рыбы. Думает: мясо тоже нужно. Идёт в лес, ставит *уй лэс* петлю на лося. Проверяет запор, оказывается, в него попала щука с рогами лося. Увидел, упал в обморок. Рассказывает: добыл рогатую щуку. Народ смеётся – такого мы ещё не видали.

Показали несколько сценок, в которых высмеивались такие пороки, как жадность и воровство, например, 1. *Сёлың Пётр* 'богатый Петр'. Входит мужчина, сначала рассказывает, какой он богатый, сколько всего имеет. Затем он вдруг расщедрился и стал раздавать подарки, но когда мешок опустел, ему стало жалко своё добро. Нашёл причину: «Тёща будет ругаться» и забрал все подарки обратно. 2. Сценка *Сысмокари бйка ос яныг пукип бйка* 'горбатый и пузатый', где речь идёт о двух рыбаках. Один из них горбатый, он ставит на реке запор для вылова рыбы. Второй – пузатый, ему лень работать и он ворует чужой улов, от праздной жизни невероятно растолстел. Горбатый от недоедания совсем похудел, наконец решил выяснить, куда девается его улов, и подкараулил воришку. Начинается драка, но у одного нет сил даже поднять палку, а второй из-за большого живота не может дотянуться до палки. Силы у обоих иссякают и они падают.

Следующие представления – сцены из семейной жизни: 1. Входит отец с дочерью, у неё на руках ребёнок (кукла, завёрнутая в платки). Отец объявляет, что пришёл искать отца ребёнка. Вглядываясь в лицо ребёнка, ищет схожие черты у присутствующих мужчин. 2. Отец выступает в роли свата и пытается найти для дочери мужа, но пока отец разговаривает с кем-либо из мужчин и расхваливает свою дочь, та садится на колени к другому. Все попытки отца пристроить дочь оказываются тщетными. 3. Муж пытается излечить жену от горба. Держа в руке палку, говорит, что это его инструмент для лечения от горба. Постоянно меняя точку для удара, обращается к зрителям с одним и тем же вопросом, как бы советуется: «А если так ударю, пройдёт? А если по этому месту ударю, пройдёт?» Крутился, крутился возле неё, наконец,

Маска с куклой.

Хвастливый охотник.

изловчился и ударил по горбу. Горб-то исчез, но появился живот (подушку, что была вместо горба незаметно перетянули на живот). Реплика: «Вот так мастер лечить!».

Характерной особенностью всех сенок является их конец – под сопровождение соответствующей мелодии каждый из выступающих должен исполнить танец и только потом уйти. Если артист лежит на полу, то сначала у него начинают шевелиться руки, ноги, голова и только потом он поднимается, показывает танец и уходит.

Перерывы между представлениями заполняются музыкой и танцами. Под мелодии *сӓ̀нквылтапа* все желающие исполняют мужские и женские танцы: *Ас а̀гит* ‘Обские девушки’, *Та̀гт а̀гит* ‘Сосьвинские девушки’, *Сакв а̀гит* ‘Сыгвинские (Ляпинские) девушки’,

Тапс хумит ‘мужчины [с реки] Тапс’, *Лусум хум* ‘мужчина [с реки] Лозьва’, *Ворхум* ‘лесной мужчина’, *Куринька* и другие. Считается, чтобы не обидеть медведя, каждый присутствующий взрослый или ребёнок за весь праздник обязательно должен станцевать хотя бы один танец. Женщины и девушки танцуют с закрытыми лицами: накидывают на голову платок таким образом, что один конец закрывает лицо, второй спину, а двумя другими прикрываются кисти рук.

Мужчины, прежде чем пойти танцевать, подходят к голове медведицы, кланяются, затем берут два платка из вывешенных вдоль священной стены прикладов, обматывают ими кисти рук и только после этого начинают танцевать.

В этот день (день вноса) представления продолжались до 3-х часов ночи. Затем объявили перерыв до утра. Перерыв объявляется не словами, а небольшой сценкой, подобных сценок существует несколько вариантов. Этот перерыв объявлялся так: в дом вбегает мальчик и прячется среди зрителей. Вбегает маска и начинает искать мальчика. Заглядывает во все углы, ищет, зрителей с мест поднимет, когда мальчика найдёт, на улицу выведет. Но через минуту мальчик вбегает обратно в помещение и снова прячется, маска вновь его ищет, и так три раза. Поиски мальчика сопровождаются шуточным диалогом артиста в маске и зрителей.

Медведицу на ночь закрыли платком. Исполняемую на ночь *Уй эрыг* 'зверя песня' Николай Иванович петь не стал, но рассказал сказку и несколько интересных случаев из жизни охотников, что соответствует обычаю – если нет певцов, то можно рассказывать сказки.

Хвастливый охотник испугался мыши.

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ДЕНЬ (ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ НОЧЬ)

Эти два дня и две ночи прошли почти по одному сценарию. В 7 часов утра Василий, как хозяин, убирал платок с головы медведицы и набрасывал его на её спину. На столике перед головой меняли еду, всё, что стояло ранее, перекладывали на общий стол, а медведице ставили новую. Таким образом она якобы принимает участие во всеобщей трапезе. Но если заглянуть глубже в традицию, то здесь наблюдается аналогия с ритуалами похоронного обряда: манси «приглашают» умершего к ежедневной трапезе два раза в день, утром на восходе и вечером на закате солнца, такое время суток соотносится с переходным состоянием. Приглашением умершего к трапезе в данное время суток имитируется ситуация вторжения иного мира в обусловленное ритуалом время, а, следовательно, не столь опасное для живых. Обряды, отправляемые в честь духов-покровителей, также проводятся утром на восходе.

Каждое утро Николай Иванович Хозумов исполнял *холы Эрыг* 'утренняя песня', её ещё на-

В сумке спрятан любовник.

зывают песней пробуждения зверя, затем брал два платка из прикладов, обматывал ими кисти рук и исполнял мужской танец. Музыканты играли несколько мелодий, после чего все присутствующие расходились, каждый по своим делам. Часть мужчин уезжала на буранах на реку, чтобы привезти воду, другие пилили и кололи дрова, а те, кто принимал участие в *тұлыглап'ах*, собирались в мужском чуме и готовились к вечерней программе.

На утро второго дня женщины совершили торжественную церемонию поклонения духу-предку *Сянь* 'мать', её антропоморфная фигура находится здесь на Лэпле, а род Тасмановых является её хранителем. На медвежий праздник её призывают в последнюю священную ночь, но по словам хранителя: «она сама захотела, чтобы в её честь был проведён обряд и ещё она бы хотела посидеть в священном

углу и посмотреть праздник». Зная о том, что *Сянь* находится здесь, мы привезли подарки-приклады – специально для неё сшитый *ярмак тōр сахи* 'шелковый халат' и большой чёрный с яркими цветами платок. Описание обряда поклонения духу-предку *Сянь* будет в отдельном исследовании, поскольку сейчас речь идёт о медвежьем празднике. После обряда был перерыв до вечерней программы.

Во время второй ночи, затем немного днём третьего дня и в третью ночь было разыграно много представлений самой различной тематики в перерывах между сценок, пока артисты готовились к выходу, также было много музыки и танцев.

Очень смешными были сценки о незадачливых охотниках и рыбаках: 1. Трое мужчин никак не могут правильно сесть в лодку, если один сел так, то двое наоборот. После долгих разбирательств вновь усаживаются и опять садятся в разнобой. Так продолжалось до тех пор, пока они все не вывалились «в воду», промокли и передумали ехать за рыбой. 2. Мужчины

едут на лодках к месту промысла рыбы, по дороге решили: чтобы была большая добыча, необходимо *пӯрлахтуҕкве*, т. е. провести обряд поклонения духам. С трудом пристали к берегу, поклонялись, с трудом отъехали с этого места. Немного проплыли, опять надумали поклоняться. Пока плыли, много раз приставали к берегу и кланялись, когда наконец добрались до места, оказывается, промысловики уже уехали, рыбный сезон закончился. 3. «Три охотника и собака», где охотники никак не могли разобраться со следами зверей. Надо отметить, что сценок, где охотник с собакой или двумя собаками, было разыграно много. В роли собак с большим удовольствием выступали подростки. 4. Сценка, пародия на жертвоприношение, где охотники решили попросить у духов удачного промысла и решили принести им жертву – бычка, но как бы его не ставили и куда бы не ударяли, ничего у них не получилось, жертва сбежала. Показали ещё несколько подобных сценок.

Смешными были юмористические сценки, высмеивающие прелюбодеяние, например, 5. *Сыг майт тэ́нэ о́йка* ‘мужчина, питающийся печенью налима’, в которой говорится о неверной жене. Она в большом *тучаҕ’е* ‘мешок для вещей’ прячет своего любовника. Муж добывает рыбу, приносит домой и отдаёт жене, та не успевает обработать рыбу, т. к. только успевает целоваться с любовником, и рыба протухает, но в ней она не обнаруживает печени. Мужа кормит протухшей рыбой. Так повторяется трижды. Муж решил подсмотреть, чем же она так занята, увидел соперника и решил избавиться от него. Жене велел собрать вещи для переезда и погрузить в лодку. По дороге он якобы нечаянно выронил мешок в воду. Жена горько плачет, якобы по утонувшему мешку. 6. Сценка, подобная предыдущей. Муж уходит на рыбалку и просит жену не вывешивать полог слишком высоко, а то могут заметить чужие, недобрые люди. Но она его не слушает и делает наоборот, к ней приходит любовник, и она также не успевает обработать улов, принесённый мужем. Муж остаётся голодным или ест тухлую рыбу. Так повторяется трижды. Затем сцена слезки за женой и драка с соперником.

Здесь, на медвежьем празднике, мы имеем дело с фрагментами многих прежних обрядов. Все эти обряды синкретичны, имеют разные пути эволюции и в процессе развития медвежьего праздника неоднократно менялись и переосмыслились. Хотя они и сохранились в «сценарии» праздника, но теперь уже непонятны ни присутствующим, ни исполнителям. Например, с большим комизмом исполненная сценка *Сѣт покатын руня*, на самом деле, является фрагментом ритуала сватовства из свадебной обрядности. Старик выбирает себе невесту, но он уже не просто старый, а, можно сказать, *руня-кве* – дряхлый, беспомощный, «то в одну сторону упадѣт, то – в другую», даже сидеть не может, ему ставят подпорки из поленьев, чтобы он не упал – это, конечно, веселит публику. Но песня-причитание сосватанной девушки (такая же, как и в свадебном обряде), вызывает иные эмоции. К сожалению, в сценке её никто не смог пропеть, поэтому слова-причитания просто проговаривались.

Сценка «Отец умер», наоборот, очень тронула душу каждого из присутствующих. На оленьей шкуре внесли человека в маске и положили на пол. Подошёл Николай Иванович, наклонился над «покойным» и спел песню-плач, которую обычно исполняют во время обряда похорон.

Сценка.

Сценка.

Песня-плач была исполнена настолько трогательно, что в помещении установилась тишина, а многие еле сдерживали слёзы. Ещё в недавнем прошлом почти каждое представление сопровождалась пением. Сейчас всё меньше и меньше остаётся исполнителей *тулыглап эргыт* – песни, исполняемые в представлениях только на медвежьем празднике. К слову сказать, Николай Иванович спел ещё в нескольких сценках, что молодёжи это на заметку, теперь они знают, что настоящая драматургия в представлениях, где не только говорят, но и поют.

Для современной публики ещё более непонятен смысл сценок, где разрубаются, отделяются и отваливаются различные части тела человека. Непонятны и моменты, когда артисты непочтительно ведут себя в присутствии духа, могут отпускать неприличные и оскорбительные замечания в их адрес. Например, на край стола ставят фигурку, изображающую *пупыг* 'духа' – обыкновенная кукла, изготовленная из платков и тряпок. Её избивают, могут отрубить любую часть тела, мотивируя тем, что *пупыг* не помог, не смог излечить жену от болезни, хотя ему и было принесено в жертву животное. В такого рода представлениях сохраняются рудименты некогда бытовавшего у манси обряда инициации. Обряд инициации проводился в глубокой древности, его исчезновение связывают с исчезновением охоты как единственного или основного источника существования.

Этот праздник не составил исключение, здесь были исполнены сценки, символизирующие древний обряд, например, 1. Отец тянет на кладбище нарты с умершим сыном, но нарты часто цепляют пни и кочки то одной частью тела, то другой. Чтобы не тратить силы на их высвобождение, отец отрубает «умершему» поочерёдно – голову, руки, ноги и так все части тела, после чего вообще решает его не хоронить. Артист, изображающий мёртвого, ещё некоторое время лежит на полу, но под звуки *сәҥквылгап*'а начинает шевелить руками, ногами,

головой, затем встаёт и, исполнив танец, уходит. 2. Аналогичная сценка, только теперь умерший – отец, а погребальные нарты тянет сын, но он торопится на медвежий праздник и, мотивируя тем, что одному слишком долго тащить нарты, а праздник уже начался, также последовательно отрубает «покойному» все части тела. После чего говорит: «Зачем такого хоронить?» и оставляет тело на обочине дороги. Конец представления повторяется. 3. Маска, представившаяся сыном недавно умершего отца, втаскивает в дом его «тело». Но, прежде чем его хоронить, решил выяснить, сможет ли отец ожить. Для этого просит его пошевелить: руками, ногами, туловищем. Особо заостряет внимание на мужских гениталиях. Отец выполняет его просьбы и шевелит те части тела, которые называет сын. В конце сценки отец встаёт и, исполнив танец, уходит. 4. Три

охотника идут добывать медведя, один из них – зять. Решили выманить медведя из берлоги, подставив вместо приманки зятя: «его не жалко». Для этого берут его за ноги и впихивают в берлогу, а затем вытаскивают обратно. После каждого пребывания в берлоге у него одна за другой исчезают части тела. А братья поочерёдно бегают домой, чтобы узнать у сестры, был ли у её мужа этот или тот исчезнувший орган. Опять же заостряют внимание на мужском достоинстве.

Многие сценки сексуального характера сохранили отдельные фрагменты промискуитетных оргиастических праздников – это в основном сценки, где есть мотив *сбтыну* ‘иметь счастье (счастливый)’, *сюниң* ‘иметь богатство (изобилие)’, т. е. действия, направленные на приплод (размножение). Оргиастические промискуитетные праздники были следствием развития половых охотничье-производственных табу, нарушать их было не принято, как и любые другие запреты.

Большой интерес публики вызвали кукольные представления – *уйрись* ‘птичка’, *сыспыг* ‘мальчик на спине’.

Каждый раз сценки и танцы продолжались до глубокой ночи, на сон отводилось совсем немного времени.

Ночные представления заканчивались и объявлялся перерыв: *Хурну хум* ‘мужчина, имеющий образ’ – исполняет один артист, но в двух ипостасях – с маской на лице и маской на затылке, сам себя тащит. Маска на затылке тащит назад, а маска на лице пытается пробиться вперёд (3 раза).

ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕНЬ (ДО ПОЛУНОЧИ – ТРЕТЬЯ НОЧЬ)

Начало дня прошло уже по отработанной за эти дни программе. На четвёртый день, поскольку виновница нашего приезда – медведица (если бы был медведь, то на 5 день), в программу праздника включается обряд *йир* 'жертвоприношение животного', для того чтобы, как говорят сами манси, – *Элалъ блнэ пѳйксѳгыт*, т. е. о дальнейшей жизни просьбы (молитвы) высказывали (выражали). Отправление обряда совершается обычно на рассвете. Вообще-то, когда проводить этот обряд, решает хозяин, но если он не знает или затрудняется в выборе времени, то проводится дополнительный ритуал – гадание *ханла҅кве*, что буквально означает «приклеиться, прилепиться». Нужно под колыбель медведицы положить палку, держа её за свободный конец, задать вопрос и приподнять, если палка с колыбелью легко поднимается, то ответ отрицательный, и наоборот, если ответ поло-

жительный, то палку поднять невозможно, как будто действительно приклеилась к столу. Такое же гадание проводится перед началом медвежьего праздника, например, на предмет: нужно или нет проводить праздник или в каком доме праздновать.

Традиционно обряд *йир* совершается только на улице, в доме нельзя, исключение составляет медвежий праздник. Связано это с тем, что *йир* производится только в том случае, если есть наличие (присутствие) духа. Жертвенными животными на нашем празднике были три петуха, поскольку какого-либо другого животного привезти на вертолёт было нереально, а петух, как считают сами манси, – любимая жертва для богов и духов.

После обряда собрали общий стол для трапезы, затем артисты показали несколько сенок, в перерывах между ними, как обычно, звучала мелодия и исполнялись танцы. Затем все разошлись на перерыв до вечера, чтобы подготовиться к последней ночи.

Последняя священная ночь празднества считается «двойной ночью». Первая часть ночи – до полуночи, проходит по обычной программе. Исполняется несколько комических *тўлыг-лап'ов*, изображающих повседневную жизнь, например, «баня», «тень», «мужчина с колокольчиками» и другие. Женщины в перерывах между представлениями ещё в удовольствие потанцевали, т. к. в оставшуюся часть ночи им танцевать запрещено.

Последнее представление, которое разделяет священную ночь на две части, было кукольное – «*Агинг-пыгыг тўлавѣг* 'девушку-юношу вводят'». Исполнителя представления

Женский танец.

вносят на оленьей шкуре, он лежит на спине, полностью укрытый суконным гусем (вид мужской одежды). Свободными остаются приподнятые вверх ноги, к каждой его ступне прикреплено изображение-кукла – маленькие берестяные маски. Исполнитель, держа ноги на весу, всевозможными танцевальными движениями ступней искусно изображает сцену ссоры девушки и юноши. В конце ссоры девушка падает. На этом танец кукол заканчивается, исполнителя не успевают вынести за дверь, как сразу же на пороге появляется Николай Иванович с большим окровавленным ножом и строгим голосом, обвиняя всех присутствующих, говорит:

«Что, доигрались? Добаловались? Шутили, кривлялись здесь и вот, у нас убийство». Ходит по комнате, сотрясает и показывает всем окровавленный нож. В помещении сразу воцарилась мёртвая тишина, испугались даже те, кто знает смысл этой сценки. Так походил, пошумел, а потом спокойным голосом объяснил, что это старинная сценка и что ничего подобного на самом деле не произошло. Смысл сценки уходит своими корнями далеко вглубь веков, когда обряды перехода, в том числе и инициации, исполнялись в полном объёме и были составной частью института семьи.

Если сравнить с предыдущими медвежьими праздниками, то профанная (обыденная) часть ночи обычно заканчивалась сценкой «Техничка», где русская женщина, с тряпкой и ведром воды, моет полы и ругается: «народ туда-сюда ходит, полы пачкает». Размахивая половой тряпкой, она постепенно выгоняет всех из помещения.

После небольшого перерыва начинается сакральная часть ночи.

ЧЕТВЁРТАЯ НОЧЬ (ПОСЛЕ ПОЛУНОЧНОГО ПЕРЕРЫВА)

Сакральная значимость ночи выражается в её названии по народной терминологии – *ялпын* ‘святой, священный’. В эту ночь разыгрываются *Яныг тўлыглап’ы* ‘большие представления’, где в контексте сакральной значимости ночи слово «большой» означает «старший, великий, главный, заглавный». *Яныг тўлыглап’ы* – торжественные представления, где поочерёдно вводят в помещение духов-предков манси. Медведь, самый младший из почитаемых на Земле сыновей/дочерей *Нуми Тõрум’а* как первопредков, для него показывают старших (древних) представителей плеяды богов – *най-õтыр’ов* ‘героинь (богинь)-богатырей’. Но, по сути, это из немногих моментов в жизни каждого участника, когда в настоящем времени встречаешься с прошлым, что даёт возможность задуматься о будущем.

Сначала готовят помещение, перед началом представлений его окуривают (очищают). Под порог кладут топор, или в верх косяка двери втыкают нож.

Когда *нэй-отыр* входит, исполняется *кастыл эрыг* 'призывная песня', если нет песни, то исполняется его *тән* 'призывающая мелодия'. Каждый из них входит в сопровождении *сыс уриэ хум'а* 'мужчина, охраняющий спину', который и должен исполнить *яныг тўлыглап эрыг*. Артист, в облачении и с атрибутами *нэй-отыр'а*, нижнюю часть лица прикрывает *йссын* 'тканевый лоскут', в танце обходит помещение, семь кругов, каждый раз делая остановку возле головы медведицы для поклона. При выходе мужчина, охраняющий спину, проводит пятерней три раза по спине артиста и уходит вместе с ним. После каждого представления помещение окуривают *сбсом* 'дымящая чага'. Мужчина, держа в руке баночку с *сбсом*, трижды обходит помещение – первый раз окуривает над полом, второй – на уровне пояса человека и третий раз – над головой, при этом приговаривает: кур-кур-кур, сип-сип-сип, пуш-ш-ш. Затем он танцует перед головой, кланяется и уходит.

На данной территории проживания манси первым вводят *Ёрың колың ойк'у* 'ненецкий дом [чум] имеющий мужчина-господин', он здесь почитается главным.

Второй должны были ввести *Сянь* 'мать', но здесь, на Лэпле, у неё специфический танец, требующий определённой подготовки, исполнителей танца на сегодня нет, поэтому никто не решился его исполнить.

Сёхры 'аки' 'с узким лезвием нож имеющий дядя (дед)', сделав в танце круг, останавливается перед головой, кричит о-хо-хо, встаёт на колени и стучит ножом об нож.

Мисхул 'аки' 'мужчина Мис', имеющий удачу в охотничьем промысле, добывает много «красного зверя чёрного зверя». Интересно, что когда его ввели, многие женщины прикрыли лица платком (*астэгыт* перед *пупыг* рода мужа).

Миснэ 'женщина Мис', имеющая магические способности, если простой смертный мужчина женится на ней, то удача в охоте всегда будет сопутствовать ему, но это бывает крайне редко.

Сырай – семь мужчин исполняют танец с саблями.

Были исполнены призывные мелодии: *Яныг уй тән* 'Лося мелодия'. *Полум Тõрум тән* 'мелодия бога Пелыма'.

Всеобщий дух-покровитель *Õтыр* 'богатырь' или *Мир суснэ хум* 'за людьми смотрящий мужчина' в помещение «въехал на лошади»: верхом на палке с изображением головы коня на её свободном конце, палка покрыта тканью как попоной, покрывающей круп лошади. В руке богатыря плеть, которой он ловко управляет. Он гонится за чайкой *сира*, которая украла со столика серебряное блюдо, чайку изображает юноша. *Õтыр* сделает круг на лошади и спрашивает: «Не видели чайку?» Зрители отвечают: «Три дня назад пролетала». На следующем круге отвечают: «Два дня назад пролетала», «День назад пролетала» и, наконец, ответили: «Сегодня пролетала».

Представление «Охотник и лось». Охотник с луком, гонит лося (палка между ног, на свободном её конце изображение головы лося) с осени до весны. Осень – дождь идёт, листья опадают.

Зима – снег идёт, холодно («филин ухаёт – снег идёт»). Весна – кукушка закуковала. Каждый раз спрашивает: «Какое время года?» Отвечают: например, «смотри, дождь идёт...». Выпускает стрелу в стену дома и, якобы, этим добыл зверя. Поэтому, куда воткнулась стрела, определяют, когда будет следующий праздник: если в верхнюю часть стены, то скоро, если в середину стены, то придётся подождать, если стрела не воткнулась, а упала, то охотничья удача пока отвернулась. На сей раз повезло, стрела попала под самый потолок и накрепко осела в стене.

Маски.

От добытого лося охотник раздаёт «кусочки мяса» всем присутствующим. Он берёт еду из коробочки со столика у головы медведицы и начинает её раздавать, при этом приговаривает: вот тебе глаз, ухо, зубы, кусочек бедра и т. д. (*пуңкыт, пёсьнĕвлин, сам* и т. д.).

Далее следуют танцы птиц и зверей:

Тāрыг 'журавль'. Танцор полностью накрыт большим платком. Танцует он с согнутой спиной, в одной руке он держит палку, на её конце изображение головы журавля с прикреплённым к ней клювом. К клюву привязана верёвка, которую актёр держит во второй руке. При подёргивании за верёвку клюв то раскрывается, то закрывается. Когда он закрывается, издаются щёлкающие звуки.

Журавль ведёт себя агрессивно: наносит медведице удары клювом, пытается сорвать с неё платки, сбрасывает со столика жертвенную еду. Хозяин и гости заступаются за медведицу и все дружно прогоняют журавля из помещения.

Ййпыг 'филин'. Входит мужчина в малице, перевернутой мехом наружу, присел, т. е. принял положение птицы и закружился в танце, по полу как шар катается. Затем увидел голову медведицы и с криками пуфф-ху-у, пуфф-ху-у стал прыгать, пытается заскочить на столик, где стоит колыбель. Сцена повторяется несколько раз, под конец танца ему всё же удалось столкнуть столик и уронить с него посуду с едой.

Охсар 'лиса' – *кол хортаве* 'дом очищают', если буквально, то 'облаивают'. Входит мужчина в маске, встаёт на четвереньки, к концу спины у него прикреплѐн хвост из сухой травы.

Начинает бегать, принохиваться и «ляять» по-лиси. После нескольких кругов ей поджигают хвост, она ещё немного покружилась и убежала с горящим хвостом.

Во время *яныг тўлыглап'ов*, под утро, когда всем уже хочется спать, дважды приходит маска *лон-лон* и мажет сажей лица заснувших зрителей. Следом за этой маской приходят: сначала семь мужчин в масках, в танце изображают *палум 'овод'* – влетают, кричат *пир-пани*, *пир-пани*, щиплют всех присутствующих. Во второй раз – тоже семь мужчин в масках, но на сей раз они изображают *лёмвой 'комар'*. Кружатся, жужжат, щиплют всех, ссорятся с людьми. Каждый раз при их появлении поднимается визг и смех, тут уж всем не до сна. Сон – это тоже состояние временной смерти, поскольку во время сна одна из четырёх-пяти душ человека открепляется от тела и путешествует. По религиозным представлениям манси, в присутствии духа нельзя спать. Обитающий здесь дух может душу «забрать», и человек уже не сможет проснуться. Поэтому и налетают оводы и комары – их создатель хозяин нижнего мира, они якобы из земли вылетают по дырке.

Через исполняемые участниками песни, представления, танцы, музыку этот «младенец» за четыре (или пять) дней познаёт всю историю народа манси, от первых дней создания мира – этихи первотворений до сегодняшнего дня. Из низведённого (убитого) он превращается в младенца, затем его день и ночь посвящают во все таинства и святые коллектива, к концу праздника он, обновлённый и матёрый, вновь «уходит» на небо (прежнее место своего обитания). Вместе с ним получают знания все участники праздника, таким образом, происходит передача знаний от поколения к поколению. Безусловно, каждая эпоха накладывает свои новшества и образования, но основное и самое ценное остаётся и транслируется новому поколению.

Охотник Т. К. Самбилалов.

УТРО (ВЫНОС ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ)

Увозят в лес.

Стол разрушен, голову медведицы смазывают рыбьим жиром, и колыбель сдвигают к краю стола. Далее все ритуалы только мужские, женщины выходят на улицу.

Гадание, кто будет следующим хозяином праздника: в блюде готовят *соламат* – жидкая каша из муки с водой, а в ней «сюрприз» – очень маленький кусочек щепки, настолько маленький, что приходится быть очень осторожным, чтобы случайно не проглотить, кому она попадёт, того и ждёт удача в добыче медведя. Каждый из присутствующих мужчин-охотников

маленькой ложечкой берёт в рот и говорит: *атың-атың*, затем хлопает в ладоши и выбегает на улицу, он должен оббежать вокруг дома, но это не из лёгких задач, т. к. на улице его поджидают женщины, дети, молодые люди и не обсыпают, а буквально заваливают снегом. Когда наконец определился счастливец, все мужчины выбегают на улицу и начинается общее веселье с обваливанием в снегу. Пока все были заняты игрой, мужчины незаметно вынесли колыбель с медведицей на улицу и уложили её в нарты, но кто-то их заметил и все перекинулись на защиту медведицы. Мужчинам всё же удалось отбиться, и они оттащили нарты в сторону леса. Но здесь на медведицу налетела маска в образе ворона. Мужчинам вновь пришлось отбиваться, но ворон победил, ему удалось перевернуть колыбель и медведица оказалась в снегу. Мужчины отнесли голову со шкурой за дом.

По традиции, нельзя уезжать в первый день после выноса, т. к. в этот день справляются поминки по медведице. Последующие три дня считаются днём траура. Продолжают играть сценки, но без медведя, якобы он ушёл в гости. Музыкантам, хотя их и было достаточно, пришлось много играть, так что многие из них к концу праздника ходили с забинтованными пальцами.

Праздник окончен, надо собираться в обратную дорогу. Разобрали чумы, прибрали площадки. Стало пусто и немного грустно. Улетали на вертолёте в обратном порядке – сначала улетали гости из Хулимсунта, Няксимволя, Саранпауля, а затем на втором рейсе и все остальные. Будем ждать следующего праздника, тем более, что он по всем приметам должен быть скоро.

Борьба хозяина-охотника с вороном.

СТОИСТОРИЯ ПРАЗДНИКА

ХОЗЯИН

ТАСМАНОВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1964 г. р.), потомственный охотник, добродушный, весёлый человек, должен был постоянно находиться возле головы, но в силу своего характера (холерик) он никак не мог долго сидеть на своём месте. На протяжении всего праздника он периодически подходил к столу, где стояла «люлька», поглаживал голову, затем на руки наматывал платки и танцевал перед ней. Иногда он просто засыпал, а когда просыпался, то его лицо было вымазано сажей, а рубаха пришита к матрасу, что вызывало всеобщий смех. Охранять «люльку» и быть рядом с ней – это забота его помощников.

ПОМОЩНИКИ

ХОЗУМОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1932 г. р.), пенсионер, в прошлом потомственный охотник, приехал с группой из Ханты-Мансийска, но вся его жизнь прошла в д. Хурумпауль, Берёзовского района. В силу своего возраста и опыта как участника, так и хозяина медвежьих праздников, он был самым уважаемым и авторитетным помощником. Каждое утро он исполнял холы эрыг 'утренняя песня' из цикла песен *Уй эрыг* 'медвежьих песен'.

КУРИКОВ НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ (1966 г. р.) потомственный охотник из Суевата, весёлый, энергичный, неугомонный, умеет всех заразить весельем. Прекрасно танцует мужские танцы, играет на *сӕнквылтап’е*, главный исполнитель *тӕлыглап’ов*, знает весь ход праздника, и в ответственные моменты его не узнать – строгий и требовательный, но заботливый, всегда подскажет, что разрешено, а чего нельзя делать или как правильно поступить.

ДУНАЕВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ (1961 г. р.), потомственный охотник, немногословный, мастер игры на *сӕнквылтап’е*, знает множество различных мелодий. Иногда выходил танцевать. Знает весь ход праздника.

ЛИЦА ПРАЗДНИКА

МЕРОВ ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВИЧ (1977 г. р.), место работы – Детский этнокультурно-образовательный центр дополнительного образования, педагог по театральной деятельности, мастер игры на национальных инструментах, мастер постановок *тўлыглап'ов*, мастер по традиционным мужским танцам, знает весь ход праздника.

АНЯМОВ ПЁТР КОНСТАНТИНОВИЧ (1979 г. р.), актёр театра обско-угорских народов «Солнце», мастер по традиционным мужским танцам, исполнитель *тўлыглап'ов*.

ВЬЮТКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1981 г. р.), корреспондент объединённой редакции национальных газет «Ханты Ясанг» и «Лүимә сәрипос», актёр манейского фольклорного коллектива, мастер игры на *сәнквылтап'е*, мастер по традиционным мужским танцам, исполнитель *тўлыглап'ов*.

ТУРГАЧЁВ
обско-угорский
тер по традици

ВАЖЕНИН ВАДИМ АЛЕКСЕЕВ
угорских народов «Солнце», мастер
традиционным мужским танцам, ис

САЙНАХОВ
игры на с
исполните

ТУРГАЧЁВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (1986 г. р.), актёр театра обско-угорских народов «Солнце», мастер игры на *сӓӓквылтап'е*, мастер по традиционным мужским танцам, исполнитель *тӓлыглап'ов*.

ВАЖЕНИН ВАДИМ АЛЕКСЕЕВИЧ (1986 г. р.), актёр театра обско-угорских народов «Солнце», мастер игры на *сӓӓквылтап'е*, мастер по традиционным мужским танцам, исполнитель *тӓлыглап'ов*.

САЙНАХОВ ВАЛЕРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1993 г. р.), мастер игры на *сӓӓквылтап'е*, мастер по традиционным мужским танцам, исполнитель *тӓлыглап'ов*.

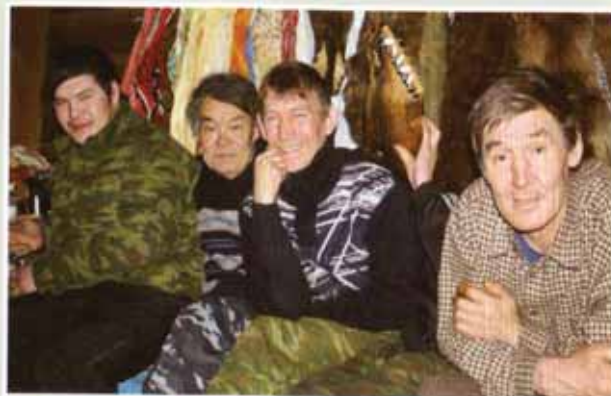
АДИН КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ (1946 г. р.), носитель языка и традиционной культуры манси, информант, наставник молодёжи.

МЕРОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (1938 г. р.), носитель языка и традиционной культуры манси, мастер по традиционным женским танцам, информант, руководитель женских обрядов и наставник молодёжи.

АЛГАДЬЕВА ГАЛИНА КОНСТАНТИНОВНА (1942 г. р.), носитель языка и традиционной культуры манси, информант, руководитель женских обрядов и наставник молодёжи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Гемуев, И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 132 с.

Гемуев, И. Н., Бауло, А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск, 1999.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987.

Каннисто, А. Статьи по искусству обских угров / Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 52 с.

Каннисто, А. О медвежьих обрядах вогулов. / Перевод с немецкого Н. В. Лукиной) // Поэтика жанров фольклора народов Сибири: Миф. Эпос. Ритуал: Сб. науч. статей / составитель Н. Р. Байжанова. – Новосибирск, 2007. – С. 74–87.

Кошманова, О. А. Золотая баба или заколдованная Богиня. Кондинские истории. Урай, 2011. – 98 с.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М. : Наука, 2005. – 805 с. – (Народы и культуры).

Новикова, Н. И. Традиционные праздники манси. – М., 1995.

Попова, С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.

Попова, С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 138 с.

Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. – 208 с.

Ромбандеева, Е. И. Предисловие. «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» / сост. Е. И. Ромбандеева. – Новосибирск, 2005. – 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).

Соколова, З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. – М., 2002. – № 1. – С. 41–62.

Соколова, З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века / З. П. Соколова ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2009. – 756 с.

Фёдорова, Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб., 2000.

Чернецов, В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – М., Л., 1939. – № 2. – С. 20–43.

Чернецов, В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. – М., Л., 1947. – № 6-7. – С. 158–185.

Чернецов, В. Н. Медвежий праздник у обских угров / Пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 49 с.

**За участие в организации и оказанную поддержку в проведении праздника
выражаем благодарность:**

АЛЕКСЕЕВОЙ Надежде Геннадьевне,

главе сельского поселения Саранпауль;

БАРАНОВОЙ Ольге Васильевне,

главе администрации сельского поселения Хулимсунт;

ПОДКАТИЛОВУ Сергею Геннадьевичу,

директору Сосьвинского ЛПУ ОАО «Газпром трансгаз Югорск» (с/п. Хулимсунт);

СПОДИНОЙ Викторнии Ивановне,

директору БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

(г. Ханты-Мансийск);

СТАКАНОВОЙ Любови Павловне,

заместителю главы администрации сельского поселения Саранпауль

по социальным вопросам;

СТАШКЕВИЧУ Леониду Фёдоровичу,

директору БУ «Природный парк «Кондинские озёра» (г. Советский).

За оказанную финансовую поддержку в проведении праздника благодарим:

ЗАВАЛЬНОГО Павла Николаевича,

генерального директора ОАО «Газпром трансгаз Югорск»

(г. Югорск).

